

ЛЮБОВЬ ВНЕЗЕМНАЯ

СЕЛИНА КАТРИН

МУАССАНИТОВАЯ ВДОВА

Селина Катрин
Муассанитовая вдова
Серия «Любовь внеземная (АСТ)»
Серия «Федерация
Объединённых Миров»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69241906
Катрин, Селина. Муассанитовая вдова: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-155214-5

Аннотация

Она – вдова влиятельного аристократа, вынужденная бежать с родной планеты, чтобы найти тихую гавань. Он – раб, давно желающий смерти. Что у них может быть общего? Ничего. Вот только она узнала, что за ней послали команду охотников, и ей срочно понадобился защитник.

Содержание

Глава 1. Маэстро душ и желаний	5
Глава 2. Нежеланные женихи	19
Глава 3. Новый закон Цварга	40
Глава 4. Ловушка	53
Глава 5. Второй супруг	63
Глава 6. Побег	78
Глава 7. Оенталь	99
Глава 8. Полуконтрактник	110
Глава 9. Знакомство	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Селина Катрин

Муассанитовая вдова

© С. Катрин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*** * ***

Глава 1. Маэстро душ и желаний

– Госпожа, посмотрите на этих! Отличные телохранители, работа по контракту от недели до трех месяцев, продление на год, если устроит испытательный срок.

Я бросила взгляд на молодых мужчин разных рас, выстроившихся в шеренгу. Высокие и коренастые, с оттенками кожи от классического бежевого до болотно-зеленого, с рогами и без, с хвостами, клыками и даже крыльями. Все как на подбор молодые, сильные, пышущие здоровьем... Довольные жизнью или делающие вид, что таковыми являются, ведь перед ними состоятельный работодатель. Услышав, что госпожа пришла в дом маэстро за обученным бойцом, часть контрактников разделась до пояса и открыто демонстрировала внушительный рельеф, бравирова железными мышцами. Обнаженные торсы сияли в лучах местной звезды.

Я досадливо поморщилась. Хоть бы рубашки какие накинули или футболки. Никогда не привыкну к базару на Оентале.

Так, Селеста, возьми себя в руки! Представь, что ты на пляже...

Взгляд упал на крайнего в шеренге контрактника, довольно щуплого, но жилистого. Наверное, такой хорошо дерется в ближнем бою, да и не будет выделяться горой мускулов на заднем фоне. Оливковая кожа, но такой оттенок на этой планете весьма популярен, зато никаких рогов или хвостов с шипами – точно не мой соотечественник. Поймав мой изучающий взгляд, незнакомец широко улыбнулся, опустил на колено прямо на молодую траву, склонил голову и протянул руку для поцелуя в запястье. К сожалению, жест настолько напоминал исконно цваргский, что я машинально спрятала ладони в карманы.

«Ну вот, напугал богатую госпожу!» – зашикали на него соседи, локтями пихая под ребра активиста, решившего заполучить мое внимание. Они были уверены, что я не услышу, но врожденный тонкий слух улавливал и не такое.

– Ну что, кого-то выбрали? Хотите проверить рабочие навыки? Стрельба из бластера? Владение плазменными мечами, чтобы не повредить обшивку корабля, когда находитесь в космосе? У меня есть бойцы, владеющие даже докосмическим оружием!

Круглолицый продавец вопросительно приподнял густые медные брови, изучая медлительную госпожу. А я запаниковала. Не так представляла себе общение с маэстро душ и желаний, совсем не так. Слишком много свидетелей.

С возрастающей нервозностью нащупала в кармане короткую цепочку с жемчугом и баснословно дорогое муассанитовое кольцо. Как бы спросить, как можно расплатиться за бойца? Нет, конечно, стоимости этого кольца с лихвой хватит на всю представленную мне армию телохранителей, но начнутся вопросы. Существует лишь одна планета, где добывают муассаниты такой величины и чистоты, а экспорт драгоценностей с Цварга строго запрещен. Боюсь, если я покажу ожерелье продавцу, то вопросов будет – не оберешься. Тем более при такой толпе инкогнито полетит к шварховой матери...

– А сколько стоит контракт вон с тем... – Я указала на приглянувшегося крайнего воина в шеренге и прикинула в голове: – ...Скажем, на один астрономический квартал?

– Девяносто секкеров, госпожа. Но для вас сделаем скидку, можно восемьдесят.

Мысленно перевела секкеры в кредиты, вспомнила, за сколько в местном ломбарде ювелир выкупил последнюю пару жемчужных сережек. У меня, конечно, целый браслет, он явно дороже, но... Гравитационная аномалия! Не хватает! И личным счетом в Межгалактическом Банке пользоваться слишком опасно... Что же делать?!

– Госпожа, возможно, вы хотите что-то *особенное*? – Продавец наклонился к моему уху и лукаво подмигнул.

Мне было не до намеков. Угроза Юдеса, что он найдёт меня, так и стояла перед глазами. Страх ледяными коготками вонзался в сердце и пускал там мясистые корни расте-

ния-сорняка.

«Да, мне бы какого-нибудь контрактника подешевле», – хотела ответить, но получилось лишь «Да, мне бы...». Хитрющие глаза маэстро засияли, точно те самые муассанитовые пики гор на Цварге при лунном свете. Он с поразительной ловкостью подхватил меня под локоток и с бодрым кудахтаньем повел внутрь здания.

– Что ж вы раньше-то не сказали, а то заладили «телохранитель, телохранитель». У меня мальчики на любой вкус, цвет кожи и расу. Сейчас подберем вам подходящего.

Ступеньки, крыльцо, двери... Я с легким изумлением рассматривала аляповатые разноцветные ткани на стенах вместо привычной краски или многофункциональных обоев, длинноворсовые ковры внахлест с плетеными, высокотехнологичную мебель и куст черники в навороченном антигравитационном кашпо... Да уж, местные интерьеры – отдельный вид наслаждения для любителей психоделики.

– Я понимаю, женщины на Оентале разные, много приезжих, поэтому не все открыто могут признаться, чего хотят. Нравы у культур, опять же, отличаются, хотя раньше я думал, что люди весьма либеральны... – Меня просканировали придиричивым взглядом. – Не переживайте, полная анонимность гарантирована!

Только я убедилась, что мы наконец-то остались наедине и можно поднять щекотливый вопрос оплаты, как торговец внезапно прервал речь и бодро подтолкнул меня. Одна из

тканей, ошибочно принятая за украшение стены, мягко прогнулась, и мы оказались в другом месте. Ну как в другом... Дом был тот же. Крыша та же. Ковер тот же. На этом сходство с предыдущими помещениями заканчивалось.

Вместо ярких тряпок на стенах висели картины и голограммы такого содержания, что большинство моих соотечественниц, наверное, упали бы в обморок. Головизор на противоположной стене передавал весьма сомнительный контент. Вдоль стен были расставлены странные металлические и деревянные конструкции, к потолку прикреплены весьма оригинальные алые ленточные качели, справа маячил надувной диван в форме волны и стул без сидухи. Но вся обстановка меркла по сравнению с экспонатом в центре комнаты.

На огромном двуспальном лежбище томно потягивалась красивейшая из женщин. Ее длинные малиновые волосы разметались по подушкам, наверху обнаженной груди прикрывались крохотными золотыми колпачками, соединенными друг с другом цепочкой, а на лице застыло выражение неподдельного удовольствия. Изящный тонкокостный парень у изголовья кровати отрывал от кисти виноградинки и опускал ей прямо в рот, второй мужчина гигантским перьевым опахалом обмахивал шею и живот незнакомки, еще двое, более крупных и крепких, массировали ей ноги. И одежды на последних было в разы меньше, чем на телохранителях... Если сзади так мало ткани, то что же спереди?!

Потрясение от увиденного ввело в легкий гипнотический

ступор и на несколько секунд заставило забыть о цели визита к маэстро.

– Да-да, вот так... сильнее... нет, мягче – командовала женщина тем двоим, что стояли на коленях у ее щиколоток.

– Амэрэнта, душа моя, подсажи, какие из мальчиков сейчас свободны?... – начал было мой сопровождающий, и я наконец отмерла.

Надо срочно останавливать этот фарс. Оенталь, чтоб его!

– Я имела в виду не этот спектр услуг, – произнесла, шумно прочистив горло.

– А что же тогда?! – Продавец резко развернулся и нахмурил рыжие брови. – Дамочка, вы уж определитесь! Вначале заявляете, что вам нужен телохранитель, потом намеками даете понять, что вас интересуют нечто другое! Помимо вас у меня есть и другие клиенты, всех обслужить надо! Или вы решили опорочить мое имя лучшего на базаре маэстро душ и желаний?! У меня самый качественный товар! Глаз-алмаз! Самые выгодные процентные ставки! Да я постоянным клиентам даже рассрочку даю!

Шварх, не хватало засветиться еще и в скандале на базаре...

Мужчина распалялся все сильнее, перешел на пронзительный фальцет, и я, наплевав на приличия, сама подхватила его за локоть и силком вывела через летящий слой занавесок в соседнюю комнату. Толстяк, не ожидавший такой прыти от хрупкой на вид блондинки, замолчал, а я быстро

вытащила браслет с жемчугом.

– Вот, у меня только это, – продемонстрировала пухляку, – наличных для оплаты высококвалифицированного телохранителя нет, но я очень хочу, чтобы меня кто-то охранял, понимаете? Может, у вас есть кто-то... не знаю... бракованный, вышедший на пенсию или с застарелыми травмами, из-за чего боец ценится ниже?

Маэстро взял украшение, несколько секунд молча его рассматривал, затем перевел на меня возмущенный взгляд.

– Браслет с речным жемчугом? Вы серьезно?! Да он же даже не с Миттарии!

Отчасти я понимала степень его негодования. Только обеспеченные клиенты могли позволить себе услуги маэстро. Глупо было приходить сюда, не имея денег. Мое платье из смеси натуральных и синтетических тканей было куда дороже пресловутого браслета, но в отличие от одежды драгоценности легче перепродать... Попробуй найти женщину с такой же фигурой и желающую носить именно этот фасон и цвет.

Я лихорадочно соображала, как объяснить ситуацию. К этому моменту я успела уже несколько раз пожалеть, что поддалась сиюминутному страху. Да и четко уверилась, что показывать этому гуманоиду муассаниты будет высшей степенью безрассудства – легче уж транспарант повесить: «Госпожа Селеста Гю-Эль прячется тут».

Внезапно до нас донесся звонкий голос ведущей из голо-

визора:

– Прерывание передачи! Экстренные новости! В секторе Н-63 было зафиксировано нападение на частный круизный межгалактический лайнер. Личности пока не установлены, но предполагается, что это знаменитая банда пиратов, называющих себя «Группа возмездия»...

Рыжий сердито прищелкнул:

– Фу, мерзость какая! Средь бела дня! Лучше бы мы с Космофлотом союз заключили...

Теперь уже я мысленно фыркнула на его реплику. Если бы Оенталь заключил соглашение с Федерацией Объединенных Миров и офицеры Космического Флота время от времени появлялись на этой планете в качестве дежурного патруля, ноги бы моей здесь не было. Но пускай маэстро считает, что я боюсь разбойников... Не успела я додумать мысль, как торговец шумно вздохнул.

– Так вам действительно нужен охранник, а не любовник?

Кивнула и развела ладони в стороны, прекрасно представляя, как выгляжу. Воздушное нежно-голубое платье с трогательно открытыми плечами, светлые волосы и челка, которую я остригла, чтобы выглядеть как можно более непохожей на Селесту Гю-Эль из моего прошлого. Та Селеста должна была подчиниться глупым законам Цварга и выйти замуж за члена Аппарата Управления Планетой, уважаемого и знатного Юдеса Лацосте, а здесь, на базаре, была совсем другая – Леста Эль, человеческая девушка с Захрана. Моложе, сим-

патичнее, проще и... беззащитнее.

– Да, маэстро. Охранник. Времена нынче беспокойные, сами понимаете. Ну и помощник по хозяйству не помешает: забор покосившийся поправить, навес от дождя поставить, роутер для выхода в локальную инфосеть настроить, – тут же стала перечислять, старательно вспоминая, зачем могут понадобиться мужские руки. Не хотелось бы лишних сплетен... – Возможно, у вас есть контрактники для дома, которые, если что, и оружие в руках держать умеют?

Маэстро душ и желаний – так полностью называлась должность местных агрегаторов рабочей силы – смотрел на меня с подозрением, а я по старой, въевшейся в подкорку привычке следила за его невербальными жестами: пока говорила, рыжий неосознанно скрестил на груди пухлые руки, собрал брови над переносицей и недовольно выпятил подбородок.

В то, что космопираты вдруг нападут на Оенталь, вполне освоенную заселенную планету с какой-никакой армией, я не верила. А если за мной все-таки явится Юдес, то ни один, ни два, ни даже десяток телохранителей не спасут от принудительной депортации на Цварг. Уж он-то раскусит мой маскарад на раз. И денег на излишества у меня все равно нет. Точнее, есть, но воспользоваться могу лишь жемчужным браслетом.

С тоской отметила про себя, что морщинка между рыжих бровей так и не исчезла. Поняв, что госпожа не настолько

состоятельна, как кажется на первый взгляд, мужчина передумал продавать мне контракт хоть с кем-нибудь.

– Раз у вас нет никого подходящего, я, пожалуй, пойду, – мягко завершила длинную речь.

Зря я всё-таки сюда пришла... Мало того что телохранителя не купила, так еще и привлекла к себе ненужное внимание.

Не тут-то было.

– Погодите, как вас там... госпожа Леста? Если вы сейчас уйдете, по базару поплывут слухи, что я не удовлетворил ваше желание, не смог найти то, что вам бы понравилось. Это негативно скажется на моей репутации.

– Что вы, я никому не скажу, что обращалась к вам. – Поспешно замотала головой.

Шварх! Точно меня ретроградный Меркарий спутал, когда решила сюда прийти.

– Гуманоиды увидят, что вы, войдя на мой двор, вышли ни с чем, – настаивал продавец.

– Ну приставьте любого охранника, чтобы проводил до дома. Делов-то!

– Не годится. – Упертый делец отрицательно покачал головой и неожиданно понизил голос до едва слышного шепота: – Но мы можем помочь друг другу.

Я напряглась. Мне совершенно не понравилось, как это прозвучало. Как чистокровную цваргиню меня с детства учили улавливать мельчайшие оттенки настроения собесед-

ника. Когда мужчины твоей расы умеют читать эмоции как открытую книгу, без этого навыка никуда. Если собеседник понижает голос – это не к добру, он либо злится, либо задумал что-то нехорошее.

– Помочь? – отозвалась эхом, понимая, что откажусь, что бы мне ни предложили.

Рыжий оглянулся, будто в пустой комнате нас мог кто-то подслушать, и зататорил:

– Мой племянник, насмотревшись, как я веду бизнес, решил тоже в маэстро податься. Правда, глупый он, неопытный. Влез в серый сектор, договорился с непроверенными заказчиками... Ему отплатили за оказанную услугу... живым товаром.

– Живым товаром?!

Дурное предчувствие смутно кольнуло куда-то под рёбра. Формально рабство на Оентале запрещено, но каких-то рабов я время от времени все же видела. Весьма сытых и чистых, но... определенно гуманоидов без общих прав, которые имели граждане Федерации Объединенных Миров. В этом секторе космоса они назывались полуконтрактниками. Номинально бумаги к ним имелись, и согласно местным законам хозяин обязывался о них заботиться, предоставлять спальное место и еду не менее трех раз в сутки. Но, в отличие от наемников, кредитов им не платили, и сменить владельца им тоже не позволялось – только если последний сам не перепродаст контракт. Узаконенное рабство, иными словами.

– Да, товаром, – тихо буркнул низкорослый маэстро, который был сам не рад, что его родственник влип в неприятности. – Слава Вселенной, почти всех удалось сбыть с рук... Аюр у меня тот еще дурак, но понимает, если что-то пойдет не так, его лавочку первой и накроют. Вот только...

– Один раб остался, да? – устало переспросила.

Я не знала наверняка, но это логично вытекало из всей предыстории.

– *Полуконтрактник*. – Собеседник выразительно приподнял брови, принципиально не называя несчастного рабом. – Я предупрежу племянника, что придет госпожа за особым товаром. Он отдаст не торгуясь.

Толстяк снял с себя хлопковую шапочку, обнажив вспотевшую лысину, протер рукавом пот и нахлобучил головной убор обратно. Вновь вопросительно уставился на меня. Уже заранее ненавидя себя за этот вопрос, поинтересовалась:

– Что не так с рабом?

– Почему с ним что-то должно быть не так? – делано удивился маэстро.

На несколько бесконечно долгих секунд в помещении воцарилась пауза. Неужели я похожа на дуру? Если одного раба не удалось сбыть с рук, очевидно, с ним что-то не так. Наконец мужчина с горечью сплюнул на пол.

– Да все с ним не так! – в сердцах воскликнул он. – Этот паршивец хочет сдохнуть. Впихнуть в него еду – одно мучение. Ничего не делает или, если попросишь, делает так,

что и себя убивает, и переделывать приходится! Месяц назад Аюр попросил перетаскать сваи для фундамента дома, а этот идиот вместо того, чтобы дожидаться, когда наутро привезут гравиплатформу и функциональные перчатки, всю ночь на себе таскал железобетон! Утром свалился без сил, надорвал спину и лапищи стесал до крови! Не будем же мы услуги до-ка оплачивать ради полуконтрактника! Тем более когда ясно, что он... не особенно-то хочет жить.

Вздрогнула. Раба чисто по-человечески было жалко. И хуже всего то, что я прекрасно представляла себе состояние безысходности и отчаяния, в которое он впал, раз наплевал на свое здоровье. Но... Селеста, возьми себя в руки!

– Вы хотите его сплавить мне как неликвидный товар, чтобы его смерть не привела следователей к вашему племяннику? Хотите, чтобы проблемы были у меня?!

– Ой, да какие у вас будут проблемы... – Он глядел меня еще раз с ног до головы. – Даже если кто-то заинтересуется, с невооруженного взгляда будет понятно, что вы – маленькая незащитная человеческая девушка – искали помощника по хозяйству. На три месяца, как и просили, вам хватит... Раб и забор починит, и что вы там хотели... А издохнет по пути, так будет видно, что не ваша вина. Ну?..

Я отрицательно покачала головой. При мыслях о неизвестном страдающем гуманоиде внутри все сжималось и колелось, но проблемы с властями планеты мне не нужны. Если вскроется, кто я такая, это будет настоящей катастрофой.

Мне бы, наоборот, найти способ незаметно слиться с обществом Оенталя и получить разрешение на постоянное место жительства. Полутруп желающего покончить с жизнью гуманоида в эти планы не вписывался никак.

– Спасибо, но... нет. Пожалуй, пойду, – тихо, но непреклонно ответила я.

Развернулась к выходу и почувствовала, как наглый рыжий мужичонка сунул мне что-то крошечное в карман платья.

– Там визитка с адресом. Вдруг все-таки передумаете, – пояснил он поспешно.

Глава 2. Нежеланные женихи

Цварг. Два года назад

– Госпожа Гю-Эль, вы потанцуете со мной?

Приятной внешности брюнет галантно протянул ладонь и лучезарно улыбнулся, а я мысленно его прокляла. Ведь надела же глухое темное платье-футляр, нарядилась бледной молью, встала поближе к выходу, пытаюсь слиться со стеной. Еще каких-то десять минут, и можно было бы уже тихонечко уйти с мероприятия, не вызвав пересудов. Захотелось застонать от отчаяния. Почему я?! Здесь несколько десятков молодых, красивых и веселых девушек!

Не произнесла ни звука, но лицо цварга удивленно вытянулось. Очевидно, он почувствовал мои эмоции раздражения. Мысленно застонала: *«Совсем ты, Селеста, расслабилась...»*

Глубоко вдохнула, как учат всех девочек еще в пяти-шестилетнем возрасте, представила себе ледяную скульптуру с сияющими гранями. В моем воображении это всегда была застывшая и прекрасная крылатая дева-воительница, ловко перехватившая ассагай за тонкое древко и готовая вот-вот метнуть его во врага. Это произведение искусства однажды показала мама в хрустальном саду, и почему-то именно этот образ помогал мне взять эмоции под контроль.

Вежливо улыбнулась.

– Простите мои бета-колебания, я не хочу сегодня танцевать. Каблуки неудобные, – выдала стандартную светскую отмазку.

– Каблуки?

Мужчина удивленно посмотрел на мои туфли на низком каблучке-рюмочке, которые было все еще прилично надеть на такое мероприятие. Покойный супруг требовал от меня всегда выглядеть безукоризненно, и теперь, когда могла позволить себе одеваться не только вызывающе эффектно, но и комфортно, я надела черное строгое платье и простейшие босоножки с закрытым носом. «Полнейшая безвкусица», как сказал бы Мартин.

Я продолжала удерживать безмятежно-утонченную улыбку.

– Да, ноги устали.

Цварг чуть наклонился, «принюхался» к эмоциям, но, так и не почувствовав в них лжи, руку спрятал и пожал плечами.

– Ничего страшного, госпожа Гю-Эль. Признаюсь, я не очень люблю танцы. Мне кажется, что танец мужчины и женщины – чересчур интимная вещь, которую не стоит демонстрировать на людях. Могу ли я называть вас Селестой?

– Да, разумеется, – рассеянно кивнула, разглядывая зал.

Кружащиеся пары, радостные лица и воздушные платья... Волшебный голос певицы ласкал слух. Если бы мое согласие на танец не трактовали как проявление благосклонно-

сти, я бы присоединилась к цваргиням, но... Когда на планете серьезный демографический перекос, общество и менталитет расы диктуют свои законы. Мельком глянула на часы на противоположной стене просторного зала. Еще чуть-чуть, и можно будет уйти.

– Я Кристоф, – представился брюнет, вновь перетягивая внимание на себя. – Селеста, не сочтите за дерзость, понимаю, что это не очень культурно – подходить к цваргине, прежде чем она дала согласие на свидание, но... – Он кашлянул, смущенно поправляя галстук-бабочку. – Лаборатория сообщила, что у нас с вами целых шестьдесят три процента совместимости. Представляете? Шестьдесят три...

«И правда немало, но с Мартином совместимость была выше...»

Планетарная Лаборатория в последний раз прислала мне целый ворох анкет мужчин, вероятность зачать от которых казалась хоть сколько-то сносной. И Кристоф там был... А может, не был, шварх его знает. Я чинно проглядела стопку под буравящим взглядом дворецкого, а когда он ушел из кабинета, с облегчением отправила ее в утилизатор.

Быть вдовой на Цварге – лучший социальный статус, который только можно придумать. Нет мужа, никто не давит удушливо-тяжелыми бета-колебаниями, не брюзжит, как ты должна выглядеть или почему от тебя так сильно «фонит кислятиной», не читает нотации... Мартина за меня выбрала фактически все та же Лаборатория, которая на Цварге име-

ла власть даже большую, чем Аппарат Управления Планетой. Вкупе с законом о том, что цваргиня к пятидесяти годами обязательно должна выйти замуж, у меня просто не было другого выхода. Ко всему, пока мы с первым мужем были знакомы лишь поверхностно, я наивно полагала, что брак может принести удовольствие. Мартин Гю-Эль на тот момент считался одной из самых влиятельных фигур на Цварге. Богатый, симпатичный, не старый – в полтора века цварги выглядят по-разному, многое зависит от генетики, но Мартин особенно тщательно следил за своей внешностью. В первый месяц нашего общения он даже старался понравиться мне, правда, поняла я это уже позднее – примерно тогда, когда посыпались многочисленные упреки: платье слишком фривольное, помада чересчур яркая, походка резкая, настоящие аристократки должны плыть по воздуху, словно лебеди по Коралловому озеру... Какое-то время я со всем соглашалась, но потом не выдержала и высказала все, что думаю.

Первая серьезная ссора была из-за того, что перед камерами прессы на ступенях муниципального здания я не взяла супруга за руку. Понятия не имею, почему не взяла, наверное, просто растерялась под вспышками голокамер. Но Мартин рвал и метал: «Тыставляешь меня идиотом! Собственная жена не взяла за руку! Что скажут горожане, когда будут рассматривать наши снимки в новостной ленте?! – лютовал супруг. – У нас и так уже два года нет детей, еще и ты ведешь себя словно не жена мне!»

«Дорогой, какие два года? Ты смеешься? Многие цварги по двадцать-тридцать лет не могут завести детей, кто-то и все пятьдесят. Это нормально...»

«Абсолютно не нормально! Я женился из-за высокого процента совместимости, Лаборатория сказала, что ты станешь для меня идеальной женщиной, а ты...»

А я наотмашь ударила Мартина. Что было дальше, помню смутно, от ссоры сильно разболелась голова. И в следующие разы, когда я хоть сколько-то повышала тон или отказывалась поступать так, как хочет господин Гю-Эль, голова тут же превращалась в чугунную посудину, по которой долбят молотом. Раскаленная проволока ввинчивалась в череп и буквально кипятила мозги. Мерзко, больно, тошнотворно... Легче было согласиться на все требования мужа, чем терпеть это. Медленно, но верно покойный муж перекраивал меня так, как хотелось ему.

Когда Мартин попал в аварию, я выдохнула с облегчением. Ужасно, конечно, так говорить, но это стало первым глотком свободы. Все вокруг проявляли сочувствие, а я... почти месяц не могла поверить в то, что произошло. Что я больше не обязана ежемесячно есть на ужин отвратительные сырые яйца, потому что муж верит – это помогает забеременеть. Не обязана надевать неудобные юбки и платья ниже колен, носить чулки в жару, потому что так хочется Мартину; высокие шпильки, чтобы наши совместные кадры выглядели более удачными; тяжеловесные украшения, чтобы все вокруг

видели, насколько он щедр. Не обязана пользоваться услугами водителя, да и вообще могу спокойно прогуляться пешком по парку. И – о бескрайний космос! – босиком по траве. Могу громко говорить, потому что мне так хочется, показаться на аттракционах или сходить в антигравитационную комнату. Шварх, я даже могу там оглушительно завизжать, и никто не скажет, что я втоптываю в грязь его репутацию!

– Селеста, – голос Кристофа вернул на землю, – я не знаю, как много у вас еще кандидатов в будущие супруги, но для меня вы самая желанная и потрясающая цваргиня. Если бы я только мог надеяться, что вы согласитесь погулять, чтобы лучше узнать друг друга... Я понимаю, возможно, вы еще скорбите по первому мужу, но одна лишь призрачная надежда, что когда-нибудь вы его забудете и обратите свой взор на живых мужчин...

«Упаси меня Вселенная от второго брака! Ни за что на свете! Никогда!..»

– Простите, Кристоф, я все еще ношу траур по Мартину. Парень окончательно смутился.

– Простите, наверное, это прозвучало ужасно грубо... Поверьте, меньше всего я хотел вас обидеть. Просто вы такая женственная и утонченная... В последнем выпуске «Дома моды» вас называли иконой стиля и совершенства...

«Пришлось такой стать, чтобы соответствовать уровню Мартина...»

– Кристоф, – не очень вежливо перебила собеседника, но

сил выслушивать сомнительные комплименты не осталось, — я не знаю, когда прекращу скорбеть, честное слово. Оглянитесь, в зале полно более молодых и красивых, чем я! Мне уже семьдесят пять лет...

— Семьдесят четыре.

«Ого, да кто-то вдоль и поперек изучил мою медицинскую карту! Ну да, в пятьдесят я вышла замуж, ровно двадцать лет была идеальной женой и вот уже четыре с половиной года счастливо вдовствую».

Я набрала полные легкие воздуха, чтобы прозрачными намеками отправить на поиски другой кандидатуры в невесты, но в этот момент позади раздался до боли знакомый сухой и ядовито-ехидный мужской голос:

— Кристоф, у вас, видимо, совсем с рогами проблемы. Рекомендую провериться у дока. У госпожи Гю-Эль блестящие воспитание и чувство такта, но от нее явно веет раздражением. Вы ей надоели, как только появились на горизонте. Я вообще сомневаюсь, что такой неандерталец с недоразвитыми антеннами может заинтересовать истинную леди. Сгиньте отсюда, чтобы я не видел вас в радиусе парсека от этой женщины.

Мальчишка задрожал, стремительно побледнел, шумно сглотнул слюну, проблеял «простите-извините» и растворился в толпе, а я смежила веки. Спокойствие, только спокойствие, Селеста. Ты — ледяная скульптура. Ты не испытываешь никаких бурных эмоций. Доброжелательность и ску-

ка, ничего более. Дева-воительница, чья кожа холодна настолько, что, дотронувшись до нее, можно получить обморожение.

Когда открыла глаза, передо мной уже стоял тот, кого я хотела бы видеть меньше всего на свете. Соболиного цвета волосы гладко зачесаны назад, отчего кажется, что мощные витые рога чуть подаются на собеседника и лишь в средней секции загибаются к затылку. Чернильные как ночь глаза, прямой орлиный нос и упрямая линия подбородка. Оттенок кожи фиолетовый, как и у всех цваргов, но с легким отливом в кобальтовую синеву – отличительная черта рода Лацосте.

Юдес протянул руку и требовательно сказал:

– Потанцуем.

Это не было вопросом – утверждение или даже приказ.

Вдох-выдох, Селеста. Не место и не время закатывать истерики, тем более при таком скоплении цваргов. Мартин всегда говорил, что лишь плебеи выясняют отношения на публике.

Одним рывком Юдес притянул меня к себе и крепко обхватил за талию. Мои мысли были так далеки от происходящего, что я поняла, какой танец мне предстоит, лишь услышав вступительный аккорд визгливой скрипки. Почти сразу ее подхватили резкие и хлесткие, как удар плетью, металлические звуки банденеона. Самый чувственный и в то же время самый развратный танец, разрешенный на Цварге. Считалось, если мужчина и женщина танцуют вместе танго-милон-

геро, это негласно означает, что цваргиня отдала ему предпочтение. Вот же наглец! Мелодию подхватил величественный орган, а у меня замерло сердце.

Все-таки часть моих эмоций явно прорвалась через старательно выстроенный ледяной полог отчуждения, потому что мне шепнули на ухо:

– Ничего не бойтесь, я поведу.

Да я и не боялась. Это было совершенно иное чувство. Мартин так сильно переживал за свою репутацию, что нанял мне репетиторов и заставил выучить все светские танцы. Зачем ему это надо было – так и не поняла, потому что на публике мы не танцевали, а без публики... тоже не танцевали. Это же «вульгарщина» и недостойно аристократов.

Юдес крутанул меня и повел. Идеально прямая спина, уверенные руки, открытый прямой взгляд глаза в глаза. Прикосновения на грани приличий. Музыка стала громче, яркая акцентная часть сменилась более плавной и мелодичной, а вместе с ней цварг совершил поворот и повел спокойнее.

– Странно. Вы хорошо танцуете, Селеста. Я думал, вы волнуетесь из-за того, что у вас не получится.

– Вам показалось, Юдес.

Я взяла себя в руки, и теперь уже не упрекнешь, что от меня фонит бета-колебаниями страха или нервозности.

– Хм, – цварг приподнял брови, – вы намекаете, что у меня бракованные рога?

– Нет, что вы! Я просто хотела сказать, что...

– Вы потрясающе умеете прятать эмоции, – беспардонно перебил он.

Темные глаза буквально впились в меня, а мужская рука на пояснице потяжелела.

– Вы так говорите, будто в чем-то обвиняете, – пробормотала, стараясь попадать в музыку и в то же время не прерывать зрительного контакта с партнером. – Всех цваргинь учат этому.

– О нет, Селеста! – Мужчина вдруг рассмеялся. – Я пытался зайти издалека и сделать вам комплимент. Что ж, видимо, не получилось. Давайте попробуем еще раз. Теперь я скажу прямо. Селеста, я двадцать лет рвал на себе волосы и жевал хвост от осознания, что такая восхитительная женщина стала женой моего коллеги, а не моей собственной! Как только узнал о катастрофе, в которой погиб этот овираптор Гю-Эль...

– Вы вообще-то о моем покойном супруге сейчас говорите! – искренне возмутилась я и попыталась оттолкнуть хама, но Юдес не позволил.

– Прошу прощения, Селеста. Я имел в виду, что Мартин во всем был ярким консерватором. Не удивлюсь, если он и секс предпочитал в миссионерской позе и при выключенном свете.

Щеки опалил румянец. Слова Лацосте были верхом неприличия, но каким-то образом он умудрялся вести себя так, что на нас никто не оборачивался. Музыка переливалась

всеми оттенками, цварг кружил меня по одному ему видимой схеме, стопы чертили рисунок на паркете. Вкрадчивый голос Юдеса не слышал никто, кроме меня, ну а бета-колебания... похоже, он так же успешно их экранировал.

– Так вот, когда я услышал о катастрофе, то первым делом подал заявку на сравнение наших с тобой образцов крови на совместимость. Восемьдесят два процента, Селеста!

Он незаметно перешел на «ты», но учитывая, сколько лет мы знакомы, я наплевала на отступление от этикета.

– На три процента ниже, чем у нас с Мартином, – произнесла на автомате и прикусила язык, ожидая очередной вспышки неконтролируемых пошлостей.

Додумалась же на светском мероприятии сравнивать, чьи сперматозоиды лучше подходят моей яйцеклетке! Но в ответ услышала лишь веселое хмыканье.

– Поверь, есть вещи, которые измеряются не только процентами.

Как же мне хотелось закатить глаза! Эту фразу я слышала буквально от каждого второго ухажера, пытающегося за мной ухлестнуть.

– Юдес, прошу прощения, но это неэтично. Я ношу траур по супругу и не настроена на отношения.

– Пфф! – А Лацосте закатить глаза не постеснялся. – Можешь и дальше строить из себя несчастную вдову, но на меня это не работает. У меня очень чувствительные рога, дорогая Селеста. Я не слышу в тебе и тени сожаления о смерти

Гю-Эля. Ты его никогда не любила, а вот я тебе нравлюсь.

Не удержалась и фыркнула.

– Самонадеянно.

Партнер по танцу много раз бывал у нас и в пентхаусе в столице, и в загородном особняке. Они с Мартином оба работали в Аппарате Управления Планетой, а потому частенько запирались в кабинете мужа и решали срочные служебные вопросы. На фоне чопорного и озабоченного общественным мнением супруга его коллега действительно всегда выглядел... живее, что ли? Юдес, будучи у нас в гостях, мог спокойно позволить себе запрокинуть голову и громко расхохотаться или отпустить неприличную шуточку. Замечаний ему Мартин не делал – Лацосте ветвь потомственных аристократов как-никак, но при этом неодобрительно прищипывал языком и надувал щеки точно хомяк.

Танец подходил к концу. Юдес вновь закрутил меня, а на звенящей ноте скрипки буквально распластал по своей каменной груди. Наверное, со стороны это выглядело эффектно, но на деле... Ноги уже гудели, дурацкие крупные серьги оттягивали уши, а муассанитовое кольцо, которое я надела на этот вечер скорее по привычке, намертво вбитой Мартином в подкорку, ощущалось удушливым ошейником. И когда Юдес уложил меня на себя и фактически заставил уткнуться в его шею, я с трудом обуздала вспыхнувшее раздражение. От него пахло терпко-резким цитрусовым мужским одеколоном и неожиданно сладким клубничным шлей-

фом женских духов. И зачем ему я? Танцевал бы себе с той «клубничкой».

Музыка полностью смолкла. Я попыталась вырваться из железных объятий-тисков, но стоило посмотреть в чернильные глаза напротив, как мир закружился быстрее, чем в танго-милоренго. *В памяти вдруг вспыхнули все моменты, когда Юдес приходил к нам гости, как он отпускал колкости и пытался меня развеселить, как дарил цветы... Как я сравнивала его и мужа и тихо вздыхала, что надо было выбрать другого цварга. Стоп, не было такого! Стоп!!!*

Внутри головы вновь накалилась тоненькая ниточка, маленькие, но гадкие молоточки застучали по вискам. Да не было же такого! А вдруг было? *«Я тебе действительно нравлюсь»*. Бред! Никогда не рассматривала Юдеса ни как любовника, ни как возможного супруга. Он ничем не отличается от Мартина и привык всех подминать под себя, не считаясь с чужим мнением. Шварх! Да я даже анкеты его не видела, когда мне исполнилось сорок девять лет и из Планетарной Лаборатории пришло письмо со списком оптимальных кандидатов – напоминание, что у меня остался лишь год, чтобы определиться с женщиной и выполнить «долг перед расой». Юдес появился в моей жизни лишь только после того, как Мартин объявил о нашей помолвке. Я этот день хорошо помню, потому что...

Голова заболела еще сильнее, словно кто-то решил просверлить ее раскаленным буром. Но когда я подумала, что

сейчас упаду в обморок как припадоочная, изошренные пытки резко оборвались. Зрение возвращалось неохотно. Все плыло перед глазами, сливалось цветными пятнами, впрочем, как и слух – ленивыми толчками.

«Я тебе действительно нравлюсь».

Что за швархова слуховая галлюцинация?! Мотнула головой, чтобы прийти в себя, и поняла, что мне не послышалось.

– ...Селеста уже давно задела струны моей души, и я благодарен за этот чудесный и полный страсти танец, который она мне подарила...

С последним призрачным ударом молоточков картинка обрела ужасающе четкие очертания. Я во все глаза смотрела на цварга, опустившегося на одно колено и чинно толкающего речь. Вокруг нас образовалось пустое пространство – все разошлись почти по периметру, и в центре танцевальной части помещения были лишь мы. Эта дурацкая пустота ощущалась как пропасть – с одной стороны я и Юдес, с другой – остальные приглашенные. Шаг в сторону – сорвешься.

– ...Дорогая, ты станешь моей женой?

Звонящая тишина опустилась на зал. Все замерли. Не так много рождается девочек на Цварге и не так часто происходят помолвки. Обычно цваргини долго и придиричиво выбирают кандидатов из списка, присланного Лабораторией, ходят на свидания, сближаются с потенциальными женихами. Все происходит постепенно, иногда растягивается на годы. Кто-то уже с тридцати лет рассматривает варианты, что-

бы успеть к пятидесяти, кто-то дружит с будущим мужем с глубокого детства. В любом случае помолвка двух цваргов обычно не новость, и уж точно не для невесты.

– Что? – пробормотала я, все еще ошеломленная.

– Ты станешь моей женой? – повторил он мягко, но с напором, глядя в глаза.

Я всеми фибрами души ощутила, как эта наглая рогатая морда вновь пытается использовать ментальное внушение. И как ловко! Все отошли, а Юдес сохраняет визуальный контакт и дополнительно держит меня за кисть – очень тонко! Я бы восхитилась ловкостью рук, точнее рогов, если бы меня уже не тошнило. Изначально воздействие было мягким и теплым, как морская волна, еле уловимым. Если бы не Мартин, который при каждом удобном случае прибегал к этой дряни, я бы и не поняла, что меня усиленно подталкивают к положительному ответу. Однако четкое осознание происходящего и внутренний страх, что история повторится, превратили ментальное влияние в огненное жало, раз за разом свирепо вонзающееся в основание шеи. А вместе с пониманием пришел и холодный липкий пот, выступивший вдоль позвоночника.

Чтобы я! Еще раз! Вышла за цварга?! Да не бывать тому!

– Нет! – не то прорычала, не то прокричала на весь зал, вырывая ладонь.

Восторженная толпа отмерла, цварги зашущукались, а утонченно-аристократическое мужское лицо вытянулось

от изумления. Что, тебе никогда отказывали? Ну подавись, ты первый начал!

– Юдес, это просто возмутительно! – Я оглушительно всхлипнула, на миг представив, что было бы, если бы за годы брака не научилась распознавать, когда эмоции мои собственные, а когда мне их старательно навязывают извне. – Я вдова! Я до сих пор люблю своего мужа и согласилась на танец лишь из жалости к вам! – Получай, рогатик! – Оно и понятно, у вас такая серьезная должность, а невесты все нет и нет. Ни одна цваргиня не согласилась стать вашей женой.

– Селеста...

Клянусь, я слышала скрип зубной эмали, но меня понесло.

– Я живу лишь воспоминаниями о своем милом Мартине. Как же жалко, что он погиб практически во цвете своих сил! Ни один мужчина не сравнится с ним! – Горько усмехнулась. В последнем точно не врала. Сравниться с почившим Гю-Элем было сложно, взять хотя бы его маниакальную привычку мыть руки и по восемнадцать раз в день чистить зубы. – Мне очень неловко расстраивать вас отказом, господин Лацосте, но, видимо, вы что-то не так поняли. Я совершенно не настроена на романтические отношения. Посудите сами...

Вспомнить многочисленные бытовые моменты из прошлого было несложно. «Селеста, неужели ты собираешься под камеры прессы в брюках?!», «Демонстрировать свои эмоции так ярко просто неприлично», «Ты не можешь сесть

за управление флаером. Что подумают окружающие? Что у меня нет денег даже на водителя?!»...

Я сдернула эфемерную материю ледяного кокона отчужденности, в который всегда старательно заворачивалась на людях. Жалость к себе затопила сознание, и я отпустила поводок эмоций, давая им свободно растечься во внешний мир. Чем сильнее эмоции, тем четче ритмы головного мозга.

Это было вопиюще возмутительно и оскорбительно по отношению к многочисленным цваргам, «уровень деревенщины», как сказал бы Мартин, но мне уже было плевать. Я транслировала на эмоциональном уровне бесконечную тоску и горечь. Чувство утраты. Только тосковала я не по мужу, а по той беззаботной и веселой жизни, которая у меня была до замужества, когда я никому и ничего не была должна. Когда я не обращала внимания на демографический перекос и не знала, что, оказывается, у цваргинь есть «долг перед расой». Разумеется, этих деталей гости мероприятия не могли знать, но они уловили общий фон бета-колебаний, частоту и амплитуду волн, каждую из которых цварг мог трактовать для себя в зависимости от развитости его собственных рогов. Я вложила в эти волны всю беспросветную грусть, на которую была способна, и почти все присутствующие *почувствовали*.

В зале слышались шепотки, с каждой секундой становившиеся все громче и громче. У стоящего передо мной на одном колене Юдеса опасно покраснели белки глаз и затре-

петали ноздри. Да уж... кажется, я немного перестаралась. Сглотнув сухим горлом, я развернулась и бросилась прочь из зала.

– Селеста! – в сердцах крикнул оскорбленный Лацосте, но я бежала не оглядываясь.

Коридор, ступени, выход... Где-то на периферии взгляд выцепил пораженного до глубины души бледного Кристофа. Он шагнул в мою сторону, собираясь что-то сказать, но я уже нашаривала в вечерней сумочке-конверте ключи от флаера.

Гоночный кар приветливо моргнул диодами по периметру и поднял дверь-крыло. Опасаясь погони, я нырнула, мгновенно завела двигатель и рванула штурвал, поднимая флаер в воздух. Уже отлетая со стоянки Центрального Муниципального Дворца, в боковом окне я заметила крупные блеснувшие черные рога, подозрительно похожие на рога Юдеса. «Не догонишь», – бросила про себя и утопила педаль газа в пол.

В голове все еще пульсировала раскаленная нить, но скорость всегда приносила мне облегчение. С каким же удовольствием я садилась в водительское кресло! Ночной Цварг под днищем кара проносился яркими вспышками. Габаритные огни транспортных средств, неоновые подсветки многочисленных жилых и офисных заданий, длинные светящиеся гусеницы улиц и пешеходных переходов, темные пятна мини-парков и садов в жилых кварталах – все слилось в разноцветные люминесцентные росчерки. Тьма и вспыш-

ки, вспышки и тьма. Картина, нарисованная безумным художником-абстракционистом.

Альтиметр показывал всего пару километров над уровнем земли, но я чувствовала себя птицей, впервые выпущенной на волю. Слезы текли по щекам, но при этом хотелось смеяться. Придерживающие руль пальцы крупно дрожали. Вселенная, а если бы Юдес меня продавил? Если бы я не распознала его ментальное воздействие и не начала сопротивляться? Если бы мой второй брак повторил первый?!

Щелчком тумблера я подняла флаер еще выше. Лететь так высоко днем я бы не рискнула, потому что свет, отраженный от пиков муассанитовых гор, болезненно слепил глаза, но ночной Цварг был завораживающе прекрасен.

Научиться водить флаер самостоятельно – первое желание после смерти Мартина. И мне было все равно, что подумают окружающие, будто женщина за рулем – это неправильно.

Я всмотрелась в мерцающий пейзаж и мягко направила флаер в зияющую черноту. Мое любимое место. Ясное море – так называли это чудо планеты, оно было настолько чистым, что в нем не водился даже планктон. Опустив флаер прямо на берег, скинула туфли и с наслаждением погрузила ноги в мокрый прохладный песок.

Вслушалась в тихий шепот волн. Как же хорошо здесь! Я с детства любила это место больше всего на планете и считала курортом. Родители не брали меня на другие планеты,

потому что из-за удручающей ситуации с рождением девочек оформить визу на вылет с Цварга любой представительнице женского пола было очень сложно. Мама успокаивающе гладила по голове и говорила, что будущий супруг обязательно свозит. Отец согласно кивал. А Мартин никуда меня так и не вывез, ссылаясь на занятость на работе, но зато он купил особняк недалеко от пляжа.

Море игриво брызнуло пушистой пеной и мелкими солеными капельками воды, возвращая в реальность. Вдалеке, где чернично-кобальтовое небо в алмазную крошку сливалось с бескрайним морем, закричали чайки. В следующую секунду щиколотки щекотно лизнула мягкая волна, одновременно смывая глубокие следы на песке. Раскаленное жало из шеи уже вынули, и теперь боль утихала, как укладывается спать старый недовольный медведь, взбивающий по несколько раз свою подстилку на зиму.

«Ты станешь моей женой?» – прозвучал в голове недавний вопрос Юдеса.

Панический страх наконец отступил. Я села на берег прямо в платье, подтянула колени к подбородку, обхватила их руками и облегченно выдохнула морю:

– Ни за что на свете. Ни за Юдеса, ни за любого другого цварга... ни вообще за какого-либо мужчину. Не заставите. В конце концов, я вдова.

Все-таки существовала вещь, за которую я была безмерно благодарна супругу. И это была не фамилия древнего рода,

не деньги на многочисленных счетах, не недвижимость. Это был статус вдовы, по сути – синоним неприкосновенности на Цварге.

Глава 3. Новый закон Цварга

Цварг. Два года назад

Меня разбудил входящий звонок на коммуникаторе. После длинной прогулки по морскому побережью я вернулась домой лишь к рассвету. По ощущениям, получилось поспать часа три, от силы четыре. И кому я нужна с утра пораньше? Не разлепляя век, нащупала на прикроватной тумбочке устройство связи и нажала кнопку аудиозвонка.

– Это просто возмутительно! Госпожа, как это понимать?! Скандальное видео со вчерашнего вечера уже на федеральном голоканале, а вы... вы до сих пор не явились домой! – буквально завизжал голос Лоренцо.

Поморщилась. У меня всегда складывалось впечатление, что супруг нашел дворецкого себе под стать, но это уже ни в какие шлюзы не лезло. Я шумно прочистила горло.

– Лоренцо, во-первых, вас не касается, где я провела ночь.

– Но это такой удар по репутации! Вы ушли из Дворца и так и не вернулись! Я спать не мог, волновался, где вы и что вы...

«Ага, так я и поверила. За зарплату ты свою волновался и за рабочее место, ведь с таким характером тебя больше нигде не возьмут».

– Я не вернулась в особняк, потому что приехала в столич-

ный пентхаус. У меня все в порядке. Если вы действительно так сильно переживали, то могли бы отправить сообщение или позвонить. Но у меня нет пропущенных. Почему?

В ответ раздалось возмущенное сопение. Мы оба прекрасно знали, что Лоренцо преотлично спал этой ночью, завалившись раньше положенного, ведь госпожи точно не будет дома, а с утра, видимо, услышал что-то в новостях – и понеслось...

– Но почему не в особняк? Почему вы постоянно остаетесь в этой крошечной квартирке, когда можно жить с видом на море? – последовал очередной вопрос-упрек.

«Потому что море я люблю и приезжаю на пляж специально. А вот тратить нервы на тебя и постоянно мозолящую глаза прислугу и контролировать эмоции нет ни сил, ни желания».

– Лоренцо, вы прекрасно знаете, что это не крошечная квартирка, а классический двухэтажный пентхаус с тремя спальнями. Мне здесь весьма комфортно, а особняк чересчур большой.

– Может быть, тогда мне стоило бы приехать в город... – начал было дворецкий, но я его перебила:

– Все в порядке. С уборкой справляются роботы, для доставки еды есть курьеры и квадрокоптеры. В черте города доставка осуществляется менее чем через четверть часа. Не переживайте, у меня все хорошо.

– А-а-а...

– А перечисление зарплаты на твой счет, садовника и повара я сделала автоматическим, – заверила поскорее, пока мне не закатили очередную истерику. – И ежегодная премия тоже, и расходы на хозяйство.

Мартин любил своего дворецкого и завещал мне баснословное состояние. Увольнять пожилого цварга мне не давала совесть. В конце концов, что-то светлое в нашем браке с Гю-Элем тоже было, ведь дарил же он мне подарки и хотел понравиться. Просто, видимо, я оказалась не той, кто ему нужен.

– Спасибо, госпожа Селеста. – После того как речь зашла о кредитах, визгливый голос внезапно стал степенным и предельно вежливым. – Вы бесконечно щедры. Могу ли поинтересоваться, когда вы планируете посетить свой особняк?

Дежурный вопрос, и ответ на него тоже был давным-давно одним и тем же:

– Я точно не знаю, Лоренцо. Может, и заеду на неделе, но готовить ради меня специально не надо. Я не очень хорошо себя там чувствую, вы же понимаете, что вся обстановка напоминает мне о супруге.

– Да, конечно, госпожа Гю-Эль. Приезжайте в любое удобное время, дом всегда готов. Хорошего дня.

Со вздохом облегчения я завершила аудиозвонок и с силой потерла лицо. Спать, конечно, хотелось, но после разговора с дворецким вряд ли усну. На пару секунд задумалась, как проведу день. Пальцы зачесались найти пульт и вклю-

читать головизор, чтобы узнать, что так сильно возмутило старину Лоренцо, но усилием воли я отогнала эти мысли.

«Какая тебе разница, Селеста, как в обществе зубоскалят о твоей вчерашней выходке? Да, получилось вульгарно, но терпеть уже сил не оставалось. Пускай теперь подавятся своими ядовитыми сплетнями. Что могут тебе сделать все эти цварги? Правильно, ничего. Даже у хитреца Юдеса, попытавшегося обманом заставить тебя выйти замуж, ничего не получилось. Ты сильнее этого...»

Я вскочила с кровати, включила на полную громкость любимую ритмичную музыку и мысленно усмехнулась – ведь леди слушают только классику. Наскоро сделала гигиенические процедуры и замерла у гардероба, не зная, что надеть. Рука привычно потянулась к платью – Мартин всегда подчеркивал, что я должна выглядеть женственно. Но сегодня я собиралась по делам, и брюки были бы удобнее... Пальцы потянулись к дорогой немнущейся ткани из шелка и синтетических нанонитей. Зауженная к щиколоткам модель с идеальными стрелками и высокой талией. К таким мокасины или кроссовки не подойдут – только туфли на высоком каблуке или хотя бы танкетке. От этой мысли стопы заныли. Шварх, неохота-то какая после вчерашнего мероприятия вновь влезать в туфли. Еще несколько секунд я медитировала, пытаясь выбрать меньшее из зол, как неожиданно услышала шорох под штангой с пиджаками. Нагнулась и с легким изумлением обнаружила застрявшего робота-пы-

лесоса. Он жалобно мигал диодами и «вжикал», пытаясь выбраться из тканевого капкана.

– Ох и глубоко ты забрался, малыш, – пробормотала, вставая на четвереньки и доставая горе-уборщика. – Ну-ка, посмотрим, что тебе на колесики намоталось...

Я рывком вытащила кусок голубой материи из чрева металлического малыша и уставилась на... джинсы. Вселенная, в первую секунду я даже не поняла, как эта вещь оказалась в моем гардеробе! А потом вспомнила... Эти джинсы – одни из многих, купленных еще до замужества и наивно привезенных с собой в квартиру мужа. Однажды я вернулась домой, а он выкинул все вещи из чемоданов со словами «леди такое не носят». Это было начало наших отношений, но поскольку Мартин вместо старого гардероба купил полностью новый, более качественный и стильный, я его простила, лишь позднее осознав, что самых обычных удобных штанов и уж тем более шорт у меня больше нет.

– Сочувствую вашей утрате, госпожа Гю-Эль.

Подросток с милыми ямочками на щеках пролепетал стандартную фразу, отчаянно покраснел и протянул пучок

травы, из вежливости отведя взгляд. С последним он явно перестарался, потому что вовремя не убрал руку, когда я забирала протянутую петрушку. Наши пальцы на миг соприкоснулись, и...

– О, Вселенная, простите, госпожа, что я до вас дотронулся! – запричитал цварг, в отчаянии хватаясь за свои рога.

Я тоже была в отчаянии: мне приглянулся именно этот пучок зелени, и теперь он валялся на мраморной плитке крытого Зеркального Рынка.

– Простите ради космоса, я не специально! Я не спросил разрешения...

Я выдохнула сквозь зубы, старательно представляя себе ледяную статую. Еще один дурацкий закон Цварга, предписывающий всем представителям мужского пола вне зависимости от возраста обязательно спрашивать разрешения у цваргинь, прежде чем к ним прикоснуться. Конечно, я понимала, откуда растут ноги у этой идиотской традиции: при таком перекосе демографии в сторону рождения мальчиков даже невинное прикосновение можно трактовать как давление на девушку. Но в обычной жизни это все равно раздражало.

– Люк, успокойся! – прикрикнула на паренька, который уже собирался рвать на себе волосы из-за «оскорбления» госпожи, и быстренько отвлекла его: – Ничего плохого не случилось. Ты меня не обидел и не сделал больно. Собирай мне, пожалуйста, свежий пучок зелени и посчитай все

вместе. Упавший теперь только на выброс, так что его тоже включи в счет.

– Ох, что вы! Этот заказ будет бесплатным, госпожа! Это же моя вина...

Глубоко вздохнув, позволила себе «отпустить» чуть больше эмоций, чем обычно. Люк еще маленький, пока вырастет, пока рога сформируются и он начнет «слышать» чужие бета-колебания, пройдет несколько лет. Каждую среду по утрам я приходила на Зеркальный Рынок, чтобы купить свежую зелень и натуральные продукты, и всегда брала овощи для салата или гарнира именно у этого пятнадцатилетнего подростка. Даже когда муж еще был жив и называл мою любовь к готовке «плебейским хобби». Он искренне недоумевал, зачем его жена готовит, когда в штате есть профессиональный повар, но это согревающее душу занятие я у него отстояла. И каждый раз мне буквально насильно приходилось впихивать Люку деньги, ведь обычно сюда приходили лишь мужчины.

– Люк, – прервала стенания юного продавца, – мой супруг оставил многочисленную недвижимость и счета в банке. Поверь, я в состоянии оплатить помидоры, сельдерей и пучок петрушки. А у тебя братик недавно родился. Давай уже, говори, сколько с меня?

– Два с половиной кредита, – растерянно пробормотал парень, собирая новый товар и вбивая данные в терминал для оплаты.

Я приложила именную чип-карту, дождалась знакомого писка-подтверждения о переводе денег и убрала чип в сумочку. Люк вновь протянул мне зелень, затем хлопнул себя по лбу, достал из-под прилавка контейнер и аккуратно переложил все в него.

– Вы сегодня одна. Помочь донести покупки до флаера? – уточнил Люк.

– Спасибо, справлюсь сама, тут совсем недалеко. А услугами телохранителя не так давно перестала пользоваться.

Я не стала рассказывать, что какое-то время после обретения статуса вдовы по инерции содержала две смены охранников, лишь позднее сообразив, что на деле это пустая трата финансов. Кто мне что-то сделает на Цварге? Мартин и сам как-то признался, что держал охранников больше для солидности.

– Ну да, ну да, – пробормотал мальчишка. – Но теперь-то вам вновь потребуется его нанять.

– Зачем? – искренне удивилась.

– Сомневаюсь, что ваш новый муж спокойно отнесется к тому, что вы без охраны ходите по рынку, полному мужчин.

– Мой кто?

– Ну-у-у... супруг... Я все понимаю, вам и так тяжело, вы так любили господина Гю-Эля, до сих пор по нему траур носите.

Он бросил взгляд на мою черную тунику. Не то чтобы

я хотела подчеркнуть состояние вдовы, просто мне казалось, что в темной одежде я более незаметна для цваргов. Очень уж не хотелось привлекать внимание таких, как Кристоф или Юдес.

– Люк, а почему ты решил, что я вновь собираюсь замуж? – спросила свистящим шепотом.

Сердце нехорошо екнуло в груди.

– Как почему? – подросток распахнул огромные глаза и уставился на меня, позабыв все правила приличия. – Сегодня утром закон новый издали. Если цваргиня-вдова и не имеет детей от первого брака, а также моложе ста пятидесяти лет, то она обязана выйти замуж второй раз в срок не более пяти лет после смерти первого мужа.

«Что?!»

Голова резко закружилась, в ушах застучала кровь, в легких разорвалась граната, сжигая весь кислород. Хорошо, что Люк продолжал держать контейнер с продуктами, иначе я позорно опрокинула бы его на пол, а так всего лишь покачнулась и оперлась рукой на прилавок. Со стороны вообще можно было принять за обычный жест. Подумаешь, облокотилась на столешницу. На улице и в помещении жара – с кем не бывает?

Я вдохнула и выдохнула, пытаюсь успокоиться и стремительно представляя ледяную деву-воительницу и пики гор. Ничего не получалось! Остальные цварги за прилавками находились в отдалении, но несколько соседей постарше и с бо-

лее крепкими рогами задумчиво повернули голову в мою сторону.

«Шварх! Селеста, срочно возьми себя в руки! Вдох-выдох. Представляй безжизненные муассанитовые пики гор... камни не умеют думать и чувствовать...»

– Люк... повтори, пожалуйста, когда закон издали?

– Так сегодня утром по федеральному голоканалу передали, – сочувствующе произнес мальчишка. – Можно я все-таки помогу вам донести продукты до флаера?

– Можно. И... дай, что ли, опереться на тебя, – ответила я, старательно делая дыхательную гимнастику и матеря одну рогатую морду из Аппарата Управления Планетой.

Чтоб у него рога поломались... чтоб хвост отсох... чтоб...

– Госпожа Гю-Эль, вам плохо, да? – Люк вопросительно приподнял брови.

Оказывается, я мертвой хваткой вцепилась в сопровождающего. Усилием воли чуть разжала пальцы. Несмотря на то что Люку недавно исполнилось лишь пятнадцать, он уже существенно был выше меня. Мужчины-цварги в принципе значительно крупнее женщин, имеют рога и хвосты. Ни у одной другой расы в Федерации Объединенных Миров нет настолько явных гендерных отличий.

– Нет-нет, все в порядке, Люк. Пойдем, а то на нас уже смотрят.

Парень кивнул, подхватил контейнер и потянул меня в сторону выхода. Слава Вселенной, рынок назывался Зер-

кальным не просто так – между рядами были установлены особые отражающие панели. В их основу закладывались в первую очередь высокие технологии. Изначально рынок должен был носить название «Тихий», так как архитектор с помощью электроники хотел добиться генерации антиволн, то есть фактического поглощения лишних бета-колебаний в общественном месте, но на этапе разработки что-то пошло не так, и панели вместо поглощения эмоций просто их рассеивали. Это, с одной стороны, было хуже изначальной задумки, а с другой – некоторые цварги говорили, что так даже приятнее, потому что нет вакуумной тишины, давящей на чувствительные органы. Как бы там ни было, сейчас мои эмоции значительно рассеивались благодаря этим панелям.

Когда мы вышли на свежий воздух, в голове зашумело так сильно, что Люк был вынужден сам покопаться в моей сумочке, открыть флаер и поставить продукты в багажник. Он смущался от того, что так «нагло» ведет себя с цваргиней, но меня это волновало меньше всего на свете. Клацнув замком багажника спортивного кара, молоденький цварг повернулся ко мне.

– Ну вот и все, госпожа Гю-Эль, сочувствую...

– ...да, моей утрате. Я все помню, – пробормотала рассеянно.

– Нет, я действительно вам сочувствую! – вспыхнул парнишка. – Я же не дурак, сразу посмотрел в инфосети дату смерти господина Гю-Эля. Оказывается, вам осталось всего

несколько месяцев до пятилетней годовщины, и... – Он облизал губы. – Я считаю, что это несправедливо. Вы же до сих пор любите Мартина.

Я печально усмехнулась. Какой же он еще маленький, несмотря на то что такая дылда! Несправедливо, что на Цварге женщин вообще принуждают к бракам. И отсутствие производства любых средств контрацепции, жесткий запрет на их импорт на планету, а также табу на аборты. Да сама природа против этого – несмотря на все трепыхания Аппарата Управления, численность цваргов медленно, но верно тает.

Порой я пыталась вообразить, что было бы, если бы у нас с Мартином родился ребенок, но фантазия пасовала. Даже при том, что Лаборатория выявила у нас какой-то феерический по меркам расы процент совместимости, частичка меня всегда была уверена, что я никогда от него не забеременею.

Дотронулась до мягких волос Люка и слегка их взлохматила, вызвав полное недоумение парнишки. Он замер, смешно выпучив глаза, будто его коснулась не цваргиня, а как минимум божество, спустившееся с небес на землю.

– Ох, Люк, я как-нибудь справлюсь, не переживай.

– Буду переживать, госпожа Гю-Эль. – Мальчишка упрямо поджал губы. – Вы наша постоянная клиентка, как же без этого? Да и мама сказала, что Лацосте зря все это затеял. Так любимую женщину не завоюешь.

Моя рука замерла.

– Что-что сказала твоя мама?

– Ну... – Щеки юноши заалели. – Она смотрела репортаж из Центрального Муниципального Дворца, где вчера проходило праздничное мероприятие. Мама сказала, что вы заделали и унизили Юдеса Лацосте, да еще прилюдно намекнули на то, что у него плохо работают рога. Он теперь вцепится в вас клещом и не отпустит, просто чтобы всем что-то доказать. Я, правда, так и не понял что.

Люк смущенно пригладил вихры на макушке.

– А если предположить, что я выйду замуж за другого? – выдавила, сглотнув сухим горлом.

– Мама говорит, что члены Аппарата Управления очень влиятельны, и они не только имеют право за ночь ввести новый закон на планете, но и, – он понизил голос, – надавить на Планетарную Лабораторию. Вам просто не дадут выбрать других кандидатов...

– Спасибо, Люк. Я тебя поняла. – Кивнула подростку и ввела данные в навигатор флаера.

Теперь бы добраться до пентхауса без аварий.

Глава 4. Ловушка

Цварг. Два года назад

«Вам просто не дадут выбрать других кандидатов...»

Эта фраза билась в висках, как звук штатного пульсоксиметра, который надевали на меня на многочисленных медицинских обследованиях всякий раз, когда Мартин вдруг резко начинал интересоваться моим здоровьем. В его глазах высокий процент совместимости автоматически означал, что у нас должны родиться дети сразу после бракосочетания. Да-да, именно во множественном числе. Периодически на моего покойного супруга находили волны паники, что мы уже много лет в браке, а детей все нет, и он отправлял меня на всевозможные анализы. И сколько бы доки ни говорили, что редкая беременность – это особенность нашей расы, супруг не верил.

На автопилоте добравшись до пентхауса, я бросила флаер на крыше, заняв сразу два места, но перепарковываться не было сил. Брызнула в лицо ледяной водой, чтобы как-то успокоиться, вдохнула-выдохнула и набрала самый известный номер на всей планете – Единой Медицинской Лаборатории Цварга.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

– Добрый день, это Селеста Гю-Эль, – произнесла я, от-

ключив видеоканал.

Голосом не выдать бы нарастающую панику. Надо все перепроверить, прежде чем что-либо решать.

– Здравствуйте, – голос мужчины на том конце канала стал на несколько тонов ниже. – По какому вопросу вы звоните?

– Вы присылали мне анкеты кандидатов, с которыми по результатам у меня высокая совместимость. Я случайно... – На секунду запнулась. Что я могла «случайно»? Сказать «бросила в утиль не глядя» будет хамством. – Я пролила сок на электронную бумагу. Мой домашний пылесос бросился вытирать жидкость, но сделал только хуже. Могу ли я попросить выслать информацию повторно? В любом виде. Даже письмом на коммуникатор подойдет.

– Одну минуту, я посмотрю, – вежливо отозвался мужчина.

Села на кровать, закусив губу. Вот уж не думала, что эти треклятые анкеты цваргов будут играть для меня хоть сколько-то значимую роль.

– Госпожа Гю-Эль, – сотрудник медцентра вернулся на связь, но голос его стал прохладнее, – я все перепроверил. Сожалею, но, представляете, сервер с теми анкетами мужчин сегодня перегрелся, и его отдали в ремонт. Боюсь, данные утрачены. Если вы хотите заново получить список, надо инициировать новые лабораторные тесты.

Какое совпадение! Да, не стоило публично унижать Юде-

са... Вот уж у кого лапы оказались длиннее, чем я думала. Делая вид, что поверила, вежливо спросила:

– И сколько времени займет новое тестирование?

– Обычно около месяца, но сейчас сотрудники очень заняты. Вероятно, будет небольшая задержка.

«Еще на полгода, идеально к годовщине смерти Мартина...»

– И что, совсем-совсем нигде не осталось информации? Это же такая огромная работа! Мне так неловко, что из-за моей неаккуратности лаборантам придется все переделывать. – Я добавила в голос побольше сожаления.

– Ну что вы, не переживайте, это же наша вина. Нет, к сожалению, все результаты хранились лишь на одном сервере, который сгорел этой ночью.

– Какой кошмар, – пробормотала, соображая, как еще перепроверить.

– Да, действительно ужасно. Но если хотите, я могу уточнить у дока, с кем у вас была наибольшая совместимость, и прислать информацию по цваргу в первую очередь.

И что-то мне подсказывает, что фамилия этого мужчины будет Лацосте...

– Нет, спасибо, не надо. На самом деле меня интересует конкретный молодой человек. – Я игриво вздохнула, давая понять сотруднику, что действительно заинтересована в результатах тестирования.

То ли я перестаралась со вздохом, то ли весь медицинский

центр знал меня как безутешную вдову, но сотрудник удивился.

– Серьезно? Прошу прощения, госпожа Гю-Эль, просто у меня в системе стоит пометка, что вы просили не искать вам пару активно...

Беззвучно скрипнула зубами от злости. Значит, пометка у моего профиля есть, а подходящие кандидаты хранились на другой железке. Удобно-то как устроились. Бескрайний космос! Они меня совсем за дуру держат?

– Все верно, я просила не искать, – продолжила елеиным тоном. – Но вчера на мероприятии случайно познакомилась с невероятным, потрясающим, интеллигентным цваргом с великолепным чувством юмора. Впервые за долгое время он заставил меня улыбаться. Он сказал, что делал запрос на совместимость... Знаете, влюбленность приходит неожиданно. Я очень любила своего покойного супруга и до сих пор думала, что ни один мужчина не сможет с ним сравниться, но этот молодой человек покори́л мое сердце буквально за один вечер.

– Да-да, и кто это?

До меня донеслись быстрые щелчки клавиатуры. Неужели Юдес приказал еще и докладывать ему, если я буду связываться с Лабораторией?

– Его зовут Кристоф. Я забыла фамилию, да и номерами коммуникаторов мы, к сожалению, в спешке не успели обменяться, но, если нужно, я напишу в мэрию или организа-

торам прошедшего мероприятия с просьбой сообщить контакты мужчины.

Пауза повисла на долгие восемь секунд. Каюсь, я отсчитывала время про себя. Определенно, у менеджера были указания по моей персоне, только все его планы и чаяния накрылись гравитационным колодцем. Интересно, наш аудиоразговор пишется? Его тоже отдадут Юдесу?

– Прошу прощения. – Мужчина кашлянул, наконец сообщив, что клиентка все еще ждет ответ. – Этого не надо делать, он есть в нашей базе, и да, запрос на совместимость тоже...

– Шестьдесят три процента, – с долей садистского удовольствия перебила, вспоминая вчерашний вечер. – Представляете? По-моему, замечательная партия!

– Действительно, шестьдесят три, – без энтузиазма проблеял мужчина и замолчал.

Ядовитым цветком в душе раскрывалось горькое осознание, что Люк был прав. Правильнее всего сейчас попроситься бы и разорвать аудиосвязь, но внутри что-то требовало доиграть этот нелепый фарс.

– Так вы мне скажете?

– Что?

– Его номер коммуникатора, – уже жестко произнесла я. – Или мне спрашивать в другом месте? Думала, главная миссия Единой Медицинской Лаборатории Цварга – найти подходящую пару для немногочисленных женщин нашей расы.

– Да-да, конечно, сейчас...

Послышался тяжелый вздох, затем мне продиктовали контакт Кристофа, и я нажала кнопку отбоя. Ну и дела... Задумчиво посмотрела на клочок пластили, куда я набросала несколько цифр термопером. Что теперь делать? Если Юдес пошел на внедрение нового закона о вдовах Цварга и подкуп Планетарной Лаборатории, он уже ни перед чем не остановится. Не покидало ощущение, что меня стремительно засасывает в бездну. Еще миг назад я была над горизонтом событий, а в следующий момент попаду в центр черной дыры, из которой никто не выбирался. За что мне это? Жила, никому не мешала, а тут... Зачем Лацосте вообще ко мне приклеился? Какого шварха?! Решил, что меня легко сломать и подчинить, чтобы сделать идеальной женой?

«Ну для Мартина ты же была идеальной женой», – ехидно заметил внутренний голос. Хотелось рвать и метать. Еще немного, и я действительно начну спорить сама с собой. Я снова сходила в ванную и умылась холодной водой. Я ненавидела себя за то, что сделала во Дворце. Возможно, если бы не унижала Юдеса и не открывала эмоции, то он не мстил бы мне с такой жесткостью. С другой стороны, кто знает, что было бы? По крайней мере я попыталась постоять за себя. Мама когда-то говорила, что лучше что-то попробовать и сожалеть, чем сожалеть о том, чего даже не рискнул сделать. Она у меня вообще была чудесной.

Я вновь перевела взгляд на кусочек тонкого пластика.

В горле першило. Мне отчаянно не хотелось делать то, что задумала, но другого выхода не было. Лучше уж милый смущающийся Кристоф, чем Юдес, не постеснявшийся применить воздействие на людей. Конечно, Кристоф рано или поздно станет старше, разовьет рога, заматереет и поймет, что можно безнаказанно пользоваться способностями, которые, по злой иронии судьбы, Вселенная щедро отсыпала лишь мужской части нашей расы. Но так у меня будет еще несколько лет хотя бы видимой свободы...

Сглотнув ком горечи, я набрала продиктованный номер. Кристоф ответил почти сразу же.

– Добрый день, с кем имею честь разговаривать? – Я прикусила губу. Шварх, как же не хочется. – Вас плохо слышно, и какие-то помехи по видеосвязи.

Вздыхнула, улыбнулась себе в зеркало и активировала дополнительный канал передачи данных.

– Привет, это Селеста.

– Селеста? – Передо мной соткалась призрачная светло-голубая голограмма до глубины души потрясенного цварга. – Откуда ты знаешь мой номер? Что-то случилось?

Покачала головой, стараясь не выдать, как тяжело произносить эти слова.

– Я подумала над твоим предложением. Заезжай за мной вечером.

– Зачем? – не понял собеседник.

– Ты вчера сказал, что я тебе понравилась. Я согласна вый-

ти за тебя замуж. Заезжай в восемь, мой юрист подготовит к этому времени брачный контракт. Распишемся. Никакого праздника не хочу, извини. Для меня это второй брак, так что...

– Погоди-погоди, ты говоришь мне «да»?

Определенно, Кристоф тупил. Хотелось дать ему чем-нибудь по голове, чтобы быстрее соображал, вместо этого я вновь улыбнулась и терпеливо пояснила:

– Я говорю «да». Сегодня утром вышел новый закон, по которому я должна в течение нескольких месяцев найти себе второго мужа. Мне меньше ста пятидесяти лет, и у меня нет детей от первого брака. Ты разве не слышал?

Я как раз открыла на планшете статью, чтобы убедиться, что там нет никаких лазеек. С той стороны на меня ошеломленно взирал молодой цварг.

– Да, я в курсе, – пробормотал он, – просто не понял... в смысле... А почему сразу брак? Нет, ты не подумай, я только «за»! Просто обычно пары встречаются, ходят на свидания, узнают друг друга... и только потом... ну ты поняла.

Тяжело вздохнула, разглядывая диаграмму. Запоздало пришло понимание, что я старше его лет на двадцать. При общей продолжительности жизни цваргов это не так заметно, но в текущий момент... Это как сравнивать годовалого и трехлетнего малыша – совсем другой уровень развития. Первый еще не всегда ходит на горшок, а второй уже самостоятельно бегают, говорит, играет в простые логические иг-

ры. Казалось бы, всего два года разницы. Так и у нас с Кристофом не такая уж и большая разница – подумаешь, пара десятков лет, но в нашей ситуации она была *значительной*.

– Кристоф, какая разница, распишемся мы до или после того, как сходим на свидания? – произнесла я мягко. – Закон ввели, и его не отменяют. Это Аппарат Управления, и если они что-то решают, то так тому и быть. Если хочешь, мы даже можем продолжать жить порознь, как тебе будет комфортнее. У меня нет других кандидатов, кроме тебя. Я никого больше не рассматриваю. Или у тебя есть высокий процент совпадения еще с кем-то из цваргинь и ты хотел бы встретиться с другой девушкой, которая не состояла в браке? Я все пойму, можешь говорить открыто.

Голограмма смешно округлила глаза и бросилась уверять меня в обратном.

– Что ты, что ты, Селеста! Ни с кем, кроме тебя, совпадения не было, да я и не надеялся, что ты согласишься хотя бы на свидание со мной, а тут... такое... Я потрясен и не могу подобрать слов. Конечно, я буду в восемь вечера.

– Координаты сейчас скину.

– Да-да, спасибо огромное, что выбрала меня! До вечера, Селеста!

Парень бормотал еще что-то невразумительное, но я нажала кнопку отбоя. Вот так, господин Лацосте, у меня тоже есть козыри в рукаве. За вас я замуж точно не пойду.

Чуть повеселев, принялась за дела. Нужно было дать ука-

зания Мишелю – личному юристу и единственному другу детства – составить брачный договор, перепроверить пункты касательно банковских счетов и недвижимости, попросить посмотреть формулировку свежего закона – мало ли я что-то все-таки упустила? Затем позвонила в Межгалактический Банк и сообщила, что хочу выдать двойную премию всем наемным работникам в особняке – пусть порадуются за госпожу. Почти два часа ушло на разговор со свекровью. После смерти Мартина я не общалась с родственниками по линии супруга, но подозревала, что они не обрадуются моему внезапному решению. Госпожа Гю-Эль-старшая все годы яро поддерживала мой траур по ее единственному сыну и искренне считала, что я должна его носить минимум ближайшую сотню лет. В общем, впервые в жизни она сокрушалась и поносила законы Цварга. В итоге я известила ее, что в ближайшее время вновь выйду замуж и даже, возможно, сменю фамилию, если того захочет новый супруг. Рассказывать, что подпись документов назначена на сегодняшний вечер, не стала. Зачем еще сильнее расстраивать пожилую цваргиню?

Переделав весь минимум дел, почувствовала себя выжатой до последней капли. По-хорошему, надо было сделать прическу и найти новое платье – Кристоф заслужил красивую невесту, а не девушку с опухшим носом и красными глазами.

Глава 5. Второй супруг

Цварг. Два года назад

Из зазеркалья на меня смотрела утонченная цваргиня в шелковом молочном платье на тонких бретельках и с родовым муассанитовым колье на шее. У меня не было ни сил, ни желания влезать в пышные праздничные наряды, а потому я остановилась на однотонном вечернем платье. Строгий пучок с шпильками, украшенными не менее крупными голубыми муассанитами, с излишком перекрывал простоту наряда. Я придиричиво рассматривала макияж, когда электронный дворецкий тихим голосом объявил:

– Госпожа, к вам гость.

Бросила взгляд на коммуникатор. «19:40». Ого! Мой второй супруг пунктуален? Не может не радовать...

– Впусти, разумеется.

Интересно, в каком ресторане Кристоф забронировал столик, чтобы отметить событие? Ведь не каждый день женишься, а на Цварге далеко не каждому мужчине везет вступить в брак. Или он так обрадовался, что забыл об этом? Может, удастся уговорить его на тихий ужин без свидетелей на крыше моего пентхауса?

Стараясь унять сердцебиение, я привычно натянула вежливо-прохладную улыбку и вышла в прихожую. Но вместо

Кристофа у входной двери, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял Мишель. Короткие рога-наросты, слишком светлая для чистокровного цварга кожа, слишком тонкокостная фигура, да и оттенок радужек нестандартный – бледный, почти желтый. Мишель был цваргом по документам, и планета рада была видеть его как члена общества, мужчину с блестящим образованием и честного налогоплательщика, но как на «цварга, которому дозволено попасть в базу кандидатов на женитьбу» на него никто не смотрел. Очередное лицемерие государства! Даже анализ делать не надо было, чтобы понять, что Планетарная Лаборатория в жизни не согласится взять его анкету – чистокровным-то цваргам женщин не хватает.

Я искренне улыбнулась гостю.

– Мишель! Вот уж не предполагала, что ты прилетишь лично! Думала, отправишь экземпляр договора по почте или электронную бумагу с квадрокоптером.

Уж я-то догадывалась, как много дел у хороших юристов, а Мишель свою работу очень любил.

– Я все-таки решил навеститься, – молодой человек мазнул по мне тяжелым взглядом горчичных радужек, – не каждый день лучшая подруга детства выходит замуж. Да еще и второй раз. Ты уверена?

Голос его звучал напряженно. Пожалуй, среди всех моих знакомых он был единственным, кто догадывался, что мой брак с Мартином не такой уж счастливый, как выглядел со

стороны. Забавно, но именно этого полуцварга с недоразвитыми рогами у меня не получалось обманывать, хотя порой хотелось. Я легкомысленно пожалала плечами. С Мишелем я могла позволить себе говорить правду.

– Ничуть. Ты нашел какие-то дырки в законе, чтобы я могла вывернуться?

– Нет. Закон, хоть и введен поспешно, продуман до мелочей.

Вот и ответ. Глупо было надеяться, что юрист что-то придумает, но тем не менее я почувствовала укол разочарования. Настроение упало ниже кратеров на Лунноре. Неполную минуту в прихожей стояла гнетущая тишина. Затем Мишель спохватился и достал из кейса-портфеля два экземпляра брачного договора на электронной бумаге с цифровой подписью, подтверждающей, что это оригинал документа, а не копия.

– Вам обоим надо будет расписаться здесь и здесь. – Он протянул мне документы, затем нахмурился и добавил: – Ты знаешь, я вообще-то сегодня никуда не спешу. Давай посижу на кухне и дождусь Кристофа. Мало ли он в последний момент что-то изменить захочет. Или его адвокат решит, что ты должна поделиться наследством от первого мужа. Я не хочу, чтобы тебя продавили в этом вопросе.

Грустно улыбнулась. Я бы отдала все до последнего кредита, лишь бы больше не пришлось связываться с цваргами и ощущать на себе ментальное воздействие.

Мишель продолжал скромно топтаться в прихожей.

– Если ты никуда не спешишь, то буду только рада. Давай кофе сварю? – предложила, аккуратно складывая документы на декоративную консоль у напольного зеркала.

– Спать, конечно, хочется, я в последние дни перенапрягался, но, прости, кофемашины Цварга так и не полюбил.

– Зачем мне автоматика? Сама сварю, время у нас есть. Все равно ждем Кристофа.

– Сама? – Юрист перевел на меня изумленный взгляд. – Ты же в платье, Селеста!

– Ой, ерунда какая. – Я махнула рукой. – Если что, у меня переносной пистолет-пятновыводитель и еще семь картриджей к нему по всей квартире валяются.

Засмеялась, увидев, как вытянулось лицо приятеля. Ну да, он привык, что для цваргини свадьба – целое событие. Но я относилась к этому как к вынужденной мере, и мне действительно хотелось отвлечься от ожидания момента, который я в душе хотела отсрочить, а в идеале и просто отменить.

– Если тебе не сложно...

Я и забыла, как люблю готовить этот ароматный напиток. Мартин настаивал, что мне следует пить детокс-чай, кофе может оказаться вредным для малыша, если вдруг забеременею... Я смолотла зерна до состояния пудры, залила кипятком, и насыщенный густой запах кофе поплыл по кухне. Банановый сироп, который я как-то выкупила у Люка за бесценок, идеально подошел к напитку с Захрана. Слово за

слово, мы с Мишелем разговорились, и я очнулась, лишь взглянув на настенные часы. Электронные цифры показывали «20:17». И где же носит Кристофа? Это для меня свадьба не грандиозное событие, но у него-то впервые.

– Не волнуйся, он обязательно придет, – проследив за моим взглядом, успокоил Мишель. Несмотря на то что он слабо чувствовал бета-колебания, в наблюдательности ему не откажешь. – Он же не глупый, чтобы профукать единственный шанс в своей жизни.

Надеюсь. Мысль, что жених мог передумать, натянула нервы до предела. Если Кристоф не явится, не представляю, что делать. С каждой минутой тревога нарастала, и отпустило меня лишь в половину девятого, когда синтезированный голос домашнего дворецкого объявил еще об одном госте.

– Иди, я тут посижу. – Мишель кивнул.

Вытерев вспотевшие от волнения ладони о кухонное полотенце, тщательно проверила, что на платье не появилось ни единого пятнышка, и вновь направилась в прихожую. С полуцваргом можно было вести себя по-настоящему, никем не притворяясь, а Кристоф, несмотря на то что вот-вот станет супругом, все-таки чужой мне мужчина. Неизвестно, смогу ли я доверять ему хоть когда-нибудь.

Традиционное приветствие замерло на губах, когда мой будущий муж буквально рухнул в ноги.

– Селеста, умоляю, прости меня, умоляю!

Я вздрогнула, глядя, как мужчина практически обливает-

ся слезами. Припухшие веки, подрагивающая нижняя губа, покрасневшие белки глаз, но не от ярости или негодования. Когда мужчины злятся, то весь белок наливается алым, а тут просто воспалившиеся слезные каналы и более заметные капилляры.

Что могло довести его до такого состояния?

– Кристоф, все в порядке, встань. Ты пачкаешь штаны. Что бы ни случилось, ты здесь, а это главное...

– Нет, Селеста, ты не понимаешь! Я действительно хотел, очень хотел жениться на тебе!

«Хотел». Слух сразу вычленил это слово, а в груди заныло.

– Что-то изменилось? Ты передумал? – голос опустился до хриповатого контральто.

Я еще ничего не знала, но боль начала медленно расплываться по телу. Колело не только слева, но отдавало в спину, тянуло чуть правее... Неосознанно оперлась на столик, где лежали документы, заботливо подготовленные Мишелем.

– После твоего звонка я чувствовал себя самым счастливым цваргом на свете! Не всем так везет в жизни, а уж в таком возрасте...

– Кристоф, что изменилось?! – не удержавшись, почти закричала на заливающегося слезами молодого человека.

Стало противно. Вот он ползает передо мной на коленях, пытается поймать кисть для поцелуя. Разве так ведут себя настоящие мужчины?

– Я... я ехал к тебе, чтобы подписать брачный договор! Честное слово! – воскликнул Кристоф, нервно кусая пухлые фиолетовые губы. – Прямо в дороге мне позвонили... с неизвестного номера... кто-то перехватил управление флаером, кар начал разгоняться и разгоняться... Селеста, я так испугался, что умру!

– Но ты сейчас передо мной целый и невредимый, – сухо констатировала факт.

Ни единой царапины не было на лице Кристофа. Если бы он с порога не упал мне в ноги, я бы сказала, что даже костюм на нем сидел идеально и нигде не помялся.

Мой-будущий-уже-не-муж судорожно кивнул.

– Да. Все так. Когда флаер потерял управление, через бортовой компьютер со мной связались. Измененный голос сказал, что у меня два варианта. Или я настаиваю на браке с тобой, и тогда кар во что-нибудь непременно врежется, или же отказываюсь от тебя.

– И ты отказался?

Бесконечно глупый вопрос. Ответ и так очевиден.

Цварг уставился на меня виноватым взглядом огромных темных глаз. Обида, злость, раздражение, чувство предательства... все смешалось в мощный остро-терпкий коктейль чувств. Боль, растекшаяся черной лужей под сердцем после слова «хотел», внезапно трансформировалась в отраву и принялась стремительно выжигать внутренности. Я стояла, держась за консоль, так как понимала: если отпущу –

упаду. Голова кружилась от *осознания*.

Не надо было быть гением дедукции, чтобы понять, что Юдесу передали мой разговор с медицинским центром и он решил сыграть на опережение. Сволочь рогатая... Или это я последняя дура, что дернула цварга за хвост? Шварх, надо было молча схватить Мишеля, приехать к Кристофу на дом и подписать этот треклятый брачный контракт. Лацосте, судя по всему, напугал парня до потери пульса этим финтом с перехватом управления флаером. Как ему только удалось? Хотя если это был прокатный планетарный кар, то у него были все шансы. Он же работает в Аппарате Управления.

Кристоф смотрел на меня, не моргая. На дне темных глаз, обрамленных длинными пушистыми ресницами, плескалось столько сожаления и раскаяния, что на интуитивном уровне закралось сомнение: мне не договаривают. Почему он чувствует себя *настолько* виноватым? В конце концов, с его точки зрения, у меня-то все хорошо. Не выйду за него – выйду за другого. Время еще есть...

– Это все? – уточнила устало.

Даже если что-то не договаривает – какая разница что? С признанием цварга, что он отказывается на мне жениться, внутри с тихим «пыщ» лопнула струна последней надежды.

– Ну... – на этот раз Кристоф смутился и уставился в пол, продолжая стоять на коленях, – этот голос сказал, что если я откажу тебе, меня сразу же повысят. Я не поверил, но согласился. И... В общем, пока я летел к тебе, перезвонил ди-

ректор фирмы и сообщил, что... – Кристоф бросил на меня взгляд исподлобья. Не знаю, что он увидел на моем лице, но бывший жених шумно сглотнул слюну. – Селеста, слушай, ну ты же понимаешь, что жена – это здорово, но за двадцать лет брака у тебя с Мартином так и не появились дети, а наш с тобой процент совместимости ниже... Женитьба на тебе ничего не гарантирует, да и мне всего пятьдесят пять, я еще минимум сотню лет могу отправлять заявки на проверку совместимости с понравившимися мне цваргинями...

Как же это унижительно...

– Хорошо, понятно, – перебила жалкий лепет мужчины, за которого чуть не вышла замуж. – Кристоф, я все поняла. Спасибо, что пришел лично и все объяснил. Можешь идти.

– Что?

Он уставился на меня пораженным взглядом, а мне впервые в жизни было плевать, что там учует собеседник на уровне бета-колебаний. Я даже не пыталась взять себя в руки или представить ледяные пики гор, чтобы успокоиться, просто произнесла:

– Кристоф, для тебя на данном этапе карьера важнее, я все поняла. Спасибо, что разъяснил. Уходи, пожалуйста.

– Селеста, но ведь он угрожал мне!

Боль разъедала похлеще серной кислоты. Почему я? Почему это происходит именно со мной?! Наружу просились ругательства, самым приличным из которых было: «Да плевать я хотела! Если бы важна была тебе хоть на грамм, ты

бы рискнул. В конце концов, даже у ларков нет такой регенерации, какой природа одарила цваргов! Подумаешь, флаер разогнался». Но все это низко и недостойно леди, как сказал бы мой покойный муж.

Промолчав, взглядом указала на выход. Кристоф, удивительное дело, оказался понятливым. Он вскочил с колен, потянулся с благодарным поцелуем к моей руке, но дернулся, когда я послала волну омерзения от его действий, испуганно вжал голову в плечи и вымелся за дверь.

Стоять было тяжело. Дышать тоже. Но стало еще хуже, когда сзади послышался жесткий голос моего личного юриста.

– Вот же трус и лицемер!

В носу предательски защипало. Я попыталась повернуться к Мишелю, но проклятые пальцы, вцепившиеся в столешницу, не слушались. Раздался грохот, на паркет рухнула декоративная консоль, брачные договоры разлетелись, а я начала падать вместе с ними. Приятель успел поймать меня до того, как я осела на пол. Наплевав на законы приличия, когда мужчина должен спросить разрешения прикоснуться к даме, он подхватил меня за талию и усадил на диванчик, предусмотрительно установленный в прихожей, чтобы можно было с комфортом надеть обувь.

Слезы брызнули из глаз, я заревела. Было безумно стыдно, что Мишель стал свидетелем срыва, но я ничего не могла с собой поделать. Мартин никогда не разрешал мне проявлять свои чувства ярко, жалуясь, что они отдают кислятиной,

и долгие годы колоссальным усилием воли я держала себя в ежовых рукавицах, а тут... Тщательно выстроенная плотина безразличия прорвалась, и починить ее было невозможно.

В первую секунду полуцварг растерялся. Еще бы! Наверное, нечасто он видит рыдающих девушек. Но спустя полминуты он принес из спальни плед, накинул мне на плечи, крепко обнял.

– Тише, Селеста, тише, мы что-нибудь придумаем...

Я всхлипнула.

– Может быть, ты на мне женишься?

Мысль показалась очень соблазнительной. Пожалуй, из всех цваргов только Мишелю я и доверяла... и его несформировавшиеся рога были не последней тому причиной. Романтических отношений между нами не было никогда, с глубокого детства было ясно, что Планетарная Лаборатория не разрешит ему даже на свидания с чистокровными цваргинями ходить, не то что что-то большее. Но легкая симпатия между нами витала всегда. После замужества мне пришлось прекратить общение с другом детства, так как Мартин внезапно заявил, что у приличной замужней леди не может быть приятелей-мужчин, тем не менее Мишеля я знала долгие годы.

Подняв голову, посмотрела в его глаза странного горчичного оттенка. Только на таком близком расстоянии обратила внимание, что кожа у приятеля правильного сиреневого цвета, просто смотрится гораздо бледнее из-за многочисленных

веснушек на носу, щеках и даже лбу. Кстати, тоже желтых.

– Не могу, – печально хмыкнул он в ответ. – Мою анкету забраковали и не взяли в базу данных Цварга, ты же знаешь. Не рассматривая, сказали, что есть более достойные кандидаты на жену и возможных совместных детей, и все. А ты – чистокровная цваргиня. Боюсь, если Юдес взялся за тебя так крепко, ему ничего не будет стоить оспорить наш брак. Это не выход.

«Зато у Мишеля будут проблемы. Кто-кто, а Юдес их устроит просто из мести», – пронеслось в голове. Стало нестерпимо неловко, меньше всего хотелось его подставлять.

Полуцварг сказал, что принесет из кухни воды, я почти успокоилась и начала думать, что у меня есть несколько месяцев, чтобы найти хоть кого-то на роль второго супруга. В этот момент на браслете загорелся сигнал входящего звонка. Машинально ткнула в него, подумав, что Кристоф забыл что-то сказать.

– Селеста?

В воздухе соткалось голографическое изображение того, о ком меньше всего на свете хотелось думать. Мужчина внимательно посмотрел на меня и удовлетворенно кивнул каким-то своим мыслям, а я запоздало поняла, что сразу активировала видеосвязь.

– Смотрю, Кристоф передал тебе слово в слово. Ну что ж, хорошо. Я звоню, чтобы убедиться, что ты все поняла правильно.

– И тебе здравствуй, Юдес, – ответила максимально прохладным голосом, на который была способна. Если Лацосте предпочитает вскрыть карты, строить из себя дурочку бессмысленно. – Не скажу, что рада тебя слышать и лицезреть. Глаза бы мои тебя не видели.

Вместо того чтобы оскорбиться, собеседник неожиданно восхищенно цыкнул языком.

– Ох, Селеста, какие у тебя остренькие зубки, какой язычок! Всегда подозревал, что Мартин на тебя наговаривал, скрывая информацию о твоей страстной натуре. Признайся, ты и в постели такая же? – Злость закипела в жилах. Я сцепила руки на коленях, стараясь не выдать, как мне противны эти пошлые заигрывания. Не от мужчины, который, получив «нет», идет напролом. – Что ж, – продолжил Юдес более серьезным тоном, так и не получив ответа. – Тогда, уповав на твою благоразумность, думаю дать тебе две недели на подготовку к свадьбе. – Он вновь внимательно осмотрел меня. – Очень рассчитываю, что за это время ты закажешь платье у ведущего модельера и не наденешь то, что сейчас на тебе, на наше с тобой бракосочетание. У тебя безупречный вкус, но мне хотелось бы, чтобы будущая жена в самый памятный день моей жизни была в классическом пышном платье с длинным подолом. Весь Цварг будет праздновать. Повторюсь, я не настаиваю, но мне будет приятно. Ты понимаешь?

Я скупно кивнула. Попытка Юдеса Лацосте показаться

мягким и понимающим с треском провалилась. Мартин поначалу тоже был улыбочивым и ласковым, и я даже не представляла, во что выльется наш брак.

Розовые очки давно слетели и разбились вдребезги.

– У меня сейчас много дел, и секретарь не смог выискать окно для важного мероприятия. Я назначил свадьбу на двадцать шестое число. Если хочешь позвать кого-то из подруг, напиши моему секретарю. Это понятно? – Вопрос явно риторический. Подруги... если бы они у меня были. Цваргини всегда странно на меня косились. – Дальше... Я не хочу, чтобы ты жила в особняке или квартирах, купленных на деньги старпера Гю-Эля. Я уже распорядился сделать косметический ремонт в одном из своих загородных домов в горах для нашего медового месяца. Там, наверное, и останешься жить дальше, там есть комната, которую можно будет переоборудовать под детскую. Флаер я куплю тебе новый. И мне не понравилось, как быстро ты угнала от меня с парковки Дворца! Там хотя бы ограничение скорости есть?

Я мысленно приказала себе отключиться. Юдес так увлекся расписыванием нашей будущей совместной жизни, что стало тошно. Вновь заболела голова, но не как от ментального воздействия, а по заурядной причине: мало спала, много нервничала и плакала. На миг пульсация в висках стала такой сильной, что захотелось повеситься.

– Фамилию тоже сменишь. Думаю, это настолько очевидно, что не стоит говорить, но на всякий случай озвучиваю,

чтобы не было недопониманий. На этом, кажется, все.

Кивнула, чтобы не злить цварга. Вселенная, дай мне сил. Умоляю!

– Селеста?

– А?

– Не делай глупостей. Если наделаешь и выйдешь замуж за какого-нибудь хлыща, я опротестую. А не получится – станешь еще раз вдовой. Ты это понимаешь?

Голос звучал нейтрально-прохладно, но я чувствовала, что Лацосте серьезен как никогда. Мурашки пробежали вдоль позвоночника и по левой руке. Может, потому что на ней был надет коммуникатор? Я молча сглотнула слюну. Нет, пожалуй, я все же ошиблась. По сравнению с Юдесом мой бывший муж просто бесхребетная медуза.

Глава 6. Побег

Цварг. Два года назад

– Мишель, ты не понимаешь! Я готова на *все*!

Заломив руки, я смотрела на друга детства и пыталась донести, насколько сильно нежелание становиться госпожой Лацосте. Ответный взгляд был полон жалости, тревоги и легкого непонимания. Я же чувствовала себя стрекозой, попавшей в невидимую, но крепкую паутину арахнида. Минуты идут, сливаясь в часы и приближая момент, когда хозяин ловушки явится за добычей, а та бьется изо всех сил, но стороннему наблюдателю-исследователю уже понятно, что стрекоза проиграла.

– Селеста, это *ты* не понимаешь, о чем просишь, – наверное, в тысячный раз за ночь повторил он. Пока мы ждали Кристофа, пока он рассказывал, что его карьера важнее, чем призрачная возможность в будущем иметь детей от меня, пока я плакала от отчаяния и разговаривала с Юдесом, вечер плавно перетек в глубокую ночь. – Пойми же наконец! Даже если мы с тобой поженимся, как ты выразилась, на «пять минут», и я на правах супруга пробью для тебя визу на вылет с планеты якобы на медовый месяц, это все равно пойдет через Аппарат Управления Цваргом! Лацосте будет первым, кого известят. Я уверен, он распорядился, что-

бы Служба Безопасности Планеты вела за тобой круглосуточную слежку! Тебя не выпустят из космопорта, а скорее всего, схватят еще раньше, как только поймут, что ты задумала! И плевать им будет на то, что ты моя жена!

Слова возражения застряли в горле, едва выдавила хриплое «Что?..»

Юдес узнал о разговоре с медцентром, это неудивительно, мало ли, он дал указания персоналу заранее. Это было логично, так опытные игроки в шахматы заблаговременно делают рокировку. Но слежка?! Попрание непреложного закона, что каждый гражданин Федерации – свободная личность?!

Очевидно, организм исчерпал на сегодня лимит разочарований и душевной боли. Я медленно осела в кресло, осознавая масштаб катастрофы.

– Он не только член Аппарата Управления Цваргом, но и глава Службы Безопасности. – Мишель неловко потершею, явно чувствуя себя не в своей тарелке. – В моих кругах многие об этом знают. Все-таки незаконный вывоз цваргини с планеты в последние годы все чаще приравнивается к преступлению против расы.

Машинально кивнула, давая понять, что слышала. Значит, за такого рода преступление Мишелью могут присудить смертную казнь или ее аналог с гниением на вшивом астероиде до конца жизни.

– Ты не представляешь, как мало девочек рождается в по-

следние годы, — тихо продолжил друг детства, а я вдруг вспомнила клубничный шлейф духов на Юдесе. Не то чтобы меня это интересовало, но...

— Мишель, а только ли цварги сейчас пребывают на планете?

— В смысле? — Он нахмурился. — Ты же знаешь, после того как некоторые гуманоиды на регулярной основе «случайно» прихватывали с экскурсий муассаниты с гор и фактически расхищали наши ресурсы, Аппарат Управления в ультимативной форме запретил выдавать туристические визы.

— Да, туристические нельзя, это я помню, — торопливо перебила. — Но есть же другие способы попасть на Цварг?

Юрист задумался.

— Таноржцы иногда оформляют бизнес-пропуска, чтобы открыть и наладить тут производство электроники. Миттарам дают специализированные визы для доков, но чаще краткосрочные и в разрезе обмена опытом в медицинской сфере. Наш воздух слишком сухой и прохладный для них. Еще крайне редко цварги пользуются привилегией и могут сделать визу для невесты, если она другой расы. Виза действует на въезд и на выезд, но тебе такой вариант не подойдет.

Нетерпеливо мотнула головой. Нет, если женщина прилетела помочь стартовать бизнесу или заниматься работой, у нее каждая минута на счету, и обжиматься с первым попавшимся цваргом она не станет. Так же сомнительно, что Юдес

где-то тайком зажал чужую невесту. Что-то тут не сходится. Меня никогда не интересовало, что делают мужчины, на которых «не хватило» женского населения планеты, но неожиданно вопрос стал острым.

– Мишель, а где цварги и полуцварги находят себе... э... э... спутниц на ночь?

Мой желтоглазый друг вспыхнул до корней волос, некогда бледные веснушки теперь отливали рыжиной. Вот уж не думала, что цварги способны так краснеть.

– Селеста, а с чего ты взяла...

Швархова гравитация! Ну да, обычно цваргини куда более воспитанны, но речь идет о моем будущем, так что придется рубить с плеча или стартовать на третьей космической, как говорят пилоты. Я глубоко вдохнула и выдохнула.

– С чего я считаю, что вокруг меня сплошные девственники? Которым по сотне с лишним лет? Учитывая, что я была замужем и представляю себе интимную сторону отношений? Мишель, пожалуйста, не надо мне говорить, что мужчины в этом не нуждаются или обходятся голофильмами и соответствующими игрушками. Уверена, многие нашли, как решить эту проблему.

Друг опустил взгляд в пол, и мне показалось, у него даже руки слегка задрожали. Разумеется, в приличном обществе такие вопросы не задают. Да вообще ни одна девушка такими вопросами не задается, ведь в личной жизни у нее все прекрасно... Опять же, с учетом строгих моральных правил

Цварга признаться, что мужчина ведет распутную жизнь, — это крест на репутации и карьере.

— Мишель, я тебя не осуждаю, — устало вздохнула, — мне плевать, сколько и каких девушек у тебя было. Просто ответь на вопрос. Пожалуйста.

— Тур-Рин, — тихо ответил он, так и не подняв взгляда от рисунка на паркете.

— Что Тур-Рин? — переспросила. — Прости, но на других планетах я не была, Мартин не возил. Знаю из школьного курса, что Тур-Рин входит в Федерацию, там много казино и спа-центров.

— И домов с ночными бабочками... — буркнул приятель.

— Видимо, зоопарки тоже в числе развлечений.

Мишель издал какой-то нечленораздельный звук, что-то среднее между «ау-ы-ы» и «шварх».

— Селеста, речь идет не о выставке с тропическими насекомыми. — Он бросил на меня косой взгляд и выругался: — Гравитационный колодец! Не могу я так рассказывать! Сделай мне кофе, пожалуйста.

Я пожала плечами и отправилась к плите. О том, что Мишелю на самом деле нужно личное пространство и отсутствие пристального внимания, я догадалась, лишь повернувшись к нему спиной.

— Ночная бабочка — это... Так называют женщин, готовых заняться сексом за деньги. На Тур-Рине их много, на любой вкус, возраст, темперамент и расу. Поэтому Тур-Рин назы-

вают в первую очередь планетой развлечений. Цварги время от времени летают туда... расслабиться.

– О!

Понятно, почему Мишель стеснялся признаться. Дело не только в беспорядочной интимной жизни, но и в том, что он вынужден платить деньги за удовлетворение физиологических потребностей. Да, мало какой мужчина способен в этом признаться.

Задумчиво поставила турку на плитку. Какая-то скользкая мысль крутилась в голове брюхатой рыбиной и все никак не могла четко оформиться.

– А сколько стоят услуги ночной бабочки?

– По-разному.

– И с какими женщинами цварги предпочитают заниматься сексом?

– Селеста! – буквально взвыл Мишель.

Я повернулась к нему, оценила красное от стыда лицо и полыхающие кончики ушей, торчащие из-под коротких взлохмаченных волос.

– Меня раса интересует. Мне это важно.

– Все разные... Эльтонийки красивые, но капризные, как правило, выбирают клиентов сами. Миттарки немного замороженные. Человеческих девушек мало, и они побаиваются цваргов, впрочем, как и многие другие гуманоиды. Ларчанки самые выносливые и общительные. Ну и смесков среди бабочек, разумеется, встречается много.

Раздумывая над словами затихшего друга, засыпала молотые зерна в турку и залила горячей водой.

– А на Цварге такие дома есть? – уточнила на всякий случай.

– Что?! Нет, конечно! – В голосе собеседника послышалось столько праведного возмущения, что я чуть не фыркнула. – Такой грязи на нашей планете отродясь не было! Селеста, подумай сама! Какая цваргиня будет заниматься этим с мужчиной за деньги?! Это же просто верх... верх... – Подходящий эпитет никак не подбирался.

Поставила перед Мишелем чашку и налила кофе.

– Глупости, – подсказала. – И это вдвойне странно при условии, что у нас есть Лаборатория, которая может подобрать подходящего кандидата в супруги. Если мне не изменяет память, для того чтобы мужская анкета попала в базу данных, цварг должен продемонстрировать выписки из Межгалактического Банка с внушительной суммой, гарантирующей, что потенциальная супруга не будет ни в чем нуждаться.

– Совершенно верно! – с облегчением выдохнул приятель, пододвигая к себе кофе, нервно обхватил края пузатой кружки и скрестил пальцы на фарфоре, не спеша пить.

Я выждала несколько секунд для приличия, давая ему успокоиться, и продолжила:

– Но это никак не противоречит тому, что всякий раз вылетать на Тур-Рин ради секса – занятие весьма хлопотное.

И подозреваю, что Аппарат Управления Планетой одобрил небольшую квоту краткосрочных виз на въезд и выезд для... э-э... личных запросов обеспеченных мужчин. Назовем это так. Мишель, я права?

Он посмотрел на меня с нечитаемым выражением лица и поджал губы.

– Права, – выдавил наконец. – Но я не понимаю, зачем ты все это выпрашиваешь! Уверен, Юдес будет хорошим мужем и не станет тебе изменять! Я знаю, что твой брак с Мартином не был счастливым, и прекрасно вижу, что Лацосте перегибает палку, но, может, ты дашь ему шанс? Признаюсь, я вообще потерял нить твоей логики, когда ты начала спрашивать про ночных бабочек!

Покачала головой. Все-таки слишком давно мы не общались со старым другом, и как полуцварг он даже не представляет, о чем говорит. С Юдесом все понятно. И дело не в том, что от него пахло духами какой-то женщины. Я не собираюсь дважды наступать на одни и те же грабли. С другой стороны, возможно, это и неплохо, что Мишель до сих пор не понял моей затеи.

– Неужели не очевидно? Я сразу тебе сказала, что пойду на все, чтобы улететь с Цварга. Буду ночной бабочкой. Пожалуйста, помоги мне достать визу, о большем не прошу.

– Селеста, ты осознаешь, о чем просишь?! – Собеседник неловко дернул рукой и разлил свежесваренный кофе по столу.

Вздохнув, набрала на коммуникаторе код-вызов уборки помещения. Тут же зашуршали крошечные роботы, спеша убрать коричневую лужу. Все это время Мишель буравил меня взглядом.

– Осознаю, – кивнула ему. – Ты сказал, что есть специальные краткосрочные визы для девушек, прибывающих на Цварг для торговли телом. Я сыграю роль такой...

Полуцварг с силой потер лицо.

– Шлюхи, Селеста, шлюхи! Тебе придется изображать именно ее! Тебе! Вдове Гю-Эль, аристократке из знатного рода и владелице... я даже навскидку не посчитаю, сколько недвижимости, акций и кредитов на твоих счетах! Я готовил документы для брачного контракта с Кристофом, у меня все записано... – Мишель засуетился, пытаясь вспомнить, где оставил документы, но я накрыла его руку ладонью, успокаивая. – У тебя не получится! Они другие! В принципе другие! Селеста, одумайся! – буквально взмолился, схватившись за волосы. – У тебя есть все и будет все! О тебе позаботятся! Что ты будешь делать вне Цварга? Куда отправишься? Ты же нигде не была, ничего не знаешь! Речь, манеры, образование... тебя выдаст любая мелочь!

Но чем больше суетился и переживал приятель, тем уверенней становилась я. Где-то глубоко внутри поселилось странное, совершенно необъяснимое чувство, что все получится.

– Ты мне pomoжешь. Мишель, это даже для тебя выгля-

дит настолько дико, что никто не заподозрит во мне цварги-ню. Раздобудь для меня визу, пожалуйста, а внешность я поменяю. – Мужчина все еще смотрел на меня с сомнением, и я воспользовалась тяжелой артиллерией. – Я всегда считала тебя другом и думала, что ты как никто другой должен меня понять. Законы Цварга были против тебя, а сейчас они против меня. Мне не нужен второй брак, я не хочу такой заботы ни со стороны государства, ни будущего мужа. Здесь меня ничто не держит, но если ты не захочешь помочь, пойму...

Приятель тяжело вздохнул.

– Конечно же я тебе помогу.

С той секунды, когда я объявила, что совершенно серьезно, Мишель изменился, вновь превратившись в собранного профессионала. Он позвонил куда-то и, лениво растягивая гласные, сказал, что привез с собой на личном истребителе девушку с Захрана по визе категории «беллеза».

Но мой молчаливый вопрос он пожал плечами.

– Я юрист, Селеста, и весьма успешный. У меня действительно есть действующая пригласительная виза, не успел ее

деактивировать. Когда та захухря узнала, что я не чистокровный цварг, отказалась прилетать. Видимо, подумала, что у меня не хватит денег на оплату ее услуг. Я решил, что, если подтверждаю, что привез девушку, тебе будет легче покинуть планету.

– А «беллеза» – это?..

– «Красотка» в переводе с какого-то из древних языков Федерации, уже и не помню точно.

Я настояла на том, чтобы действовать максимально быстро. Уже занимался рассвет, когда Мишель ушел из пентхауса и попросил собрать чемодан, пока он отлучится в магазин.

– Чемодан должен быть маленьким, будто ты приезжала сюда всего на пару дней. Возьми лишь самое ценное. Имей в виду, лучше брать наличные – когда все поймут, что ты исчезла, за твоими банковскими счетами будут пристально следить.

Пересмотрев свой гардероб, я так и не придумала, что взять из одежды. В итоге собрала несколько комплектов белья, пару джинсов, сменные однотонные футболки, чтобы не было видно бренда, и пять универсальных немнущихся платьев, далеких от цваргской моды. Я даже включила федеральный голоканал, чтобы прикинуть, что сейчас носят на Тур-Рине и других планетах.

С деньгами обстояло сложнее. Разумеется, у меня была спрятана в сейфе заначка наличными, но надолго ее не хватит. Окинув гардеробную беглым взглядом, просто поброса-

ла в чемодан первые попавшиеся драгоценности – кольца, браслеты, серьги, ожерелья, шпильки... Ювелирные изделия тем и хороши, что в любом Мире могут выступать эквивалентом валюты.

Когда я с трудом пыталась свести створки чемодана с помощью вакуумного паковщика, вернулся Мишель. С душевнораздирающим вздохом покачал головой, увидев мои тщетные попытки застегнуть поклажу, вручил тюбик с кремом и краску для волос.

– Это специальная паста, которая поменяет цвет кожи. Действует на молекулярном уровне, проникает в глубокие слои дермы и, если не тереть кожу мочалкой и подолгу не отмокать в ваннах и саунах, действует приблизительно месяц. Когда воспользуешься, будет немного пощипывать, но придется потерпеть, пока все не впитается. А это, – он взмахнул второй коробкой, – для волос. Та девушка, которая должна была прилететь, светловолосая, среди человеческих девушек вполне распространенный цвет. На твое счастье, у цваргинь нет ни хвоста, ни рогов, так что не придется ломать голову над кардинальным изменением внешности.

Я забрала покупки из рук Мишеля.

– Откуда ты знаешь про крем для кожи? – Мне казалось, что это девушки хотят сделать себе правильный оттенок загара.

Друг взлохматил волосы и улыбнулся.

– Не только ты покидаешь Цварг инкогнито. Знаешь ли,

многие побаиваются нашей расы и приписывают сверхспособности. Большинство чистокровных цваргов ничего не могут поделать со своей внешностью. В чем-то мне повезло: рога небольшие, скорее наросты, и фигура совсем не цваргская. Если надеть шляпу или кепку, а хвост спрятать в правильно пошитые штаны, я легко сойду за человека, а с голубой кожей – даже за миттара. Намажусь сейчас как следует, лучше в два слоя. Этот крем в чемодане может привлечь ненужное внимание таможенников. Как приземлишься на Тур-Рин – купишь впрок.

В санузле я провозилась чуть дольше, чем предполагала. Приняла душ и намазалась кремообразной субстанцией, особенно тщательно прошлась по лицу. Если родной сиреневый оттенок проступит где-то на руке или ноге, не так страшно, всегда можно надеть кофту с длинным рукавом или штаны, а вот лицо – это серьезно.

Мишель постарался и купил много пасты. Выкидывать остатки было жалко, и я в третий раз прошлась по сгибам локтей, обратной стороне колен, бедрам и шее – везде, где кожа особенно тонкая и меняется чаще.

С краской для волос дела обстояли сложнее. Я разложила на раковине инструкцию и поняла, что без соответствующего опыта прокрасить затылок будет нелегко. Пришлось позвать домашних роботов-уборщиков и долго пытаться донести до них, что мне требуется. В итоге так углубилась в настройки, что нашла в коммуникаторе пункт, которым ни ра-

зу не пользовалась, – «Покраска части стены». Несмотря на серьезность предстоящей затеи, меня это чуточку развеселило. Кому может понадобиться красить часть поверхности? Уже позднее, когда роботы приступили к выполнению задачи, я нашла пояснение от производителя: «Если ваш ребенок часто хулиганит и вместо стеклянной доски и электронной бумаги использует для рисования стены, поставьте этот пункт в общий план уборки детской». Ребенок... Я и не подумала об этом.

Когда из зеркала на меня взглянула хрупкая кареглазая блондинка с нежным персиковым, как у всех человеческих девушек, оттенком кожи, я замерла, не в силах поверить, что цвет кожи и волос способен настолько изменить внешность. Заметив валяющиеся на столешнице ножницы, которыми обычно подрезала домашний бамбук, неожиданно схватила их и решительно отстригла себе челку, меняя тем самым форму лица. Моду на Захране я сегодня тоже смотрела. Оказывается, многие человеческие девушки носят короткие волосы, прикрывая ими лоб и иногда даже брови, отчего их личики становятся особенно трогательными. На Цварге никогда не было такой моды. Эталоном женской красоты здесь считалось все, что, так или иначе, свидетельствовало об умении цваргини прекрасно владеть эмоциями. Игривая челка, какие часто стригут детям или добродушным пушистым щенкам, – полная противоположность того, к чему стремятся цваргини. А если говорить о мужских предпочте-

ниях, то большинство цваргов любят или стричься под ноль, или зачесывать волосы назад, чтобы рога казались внушительнее.

Но если уж я меняю внешность, то почему бы нет?..

– Ох, – только и вымолвил Мишель, когда я вышла к нему. – Селеста, это точно ты?

Улыбнулась другу и кивнула.

– Совсем на себя непохожа, правда здорово?

Он шумно выдохнул и простонал:

– У тебя получилось превзойти все мои ожидания... Я указал в визе, что тебе тридцать пять лет, но с этой челкой тебе еле-еле дашь двадцать пять человеческих.

Я перестала улыбаться.

– Это плохо? У меня проблемы?

– Нет, что ты, совсем не плохо. – Мужчина смущенно почесал затылок, как делал всегда, когда волновался, обошел меня по кругу, внимательно разглядывая новый образ и сбивчиво комментируя: – Просто... швархова гравитация... я чувствую себя не в своей тарелке! Конечно, женщины любого Мира любят выглядеть моложе, и с точки зрения общей легенды все отлично... Но я же подвезу тебя до космопорта у всех на виду! С другой стороны, это объяснит, почему клиент подарил муассанитовое кольцо. Я все ломал голову, как тебе вывезти его с Цварга официально...

Я так и не поняла, что не понравилось Мишелю. Он пыхтел и краснел всякий раз, когда речь заходила о ночных ба-

бочках. Уловила лишь, что чем девушка красивее и моложе, тем больше она зарабатывает. Дотошно расспросить себя полуварг так и не дал, напрочь игнорировал вопросы и тут же переключался на мой чемодан.

Он все перепроверил, разрешил взять вещи, зато драгоценности перетряхнул вверх дном. Золотые ножные цепочки, пять жемчужных браслетов, ворох платиновых и серебряных колец, сапфировые и рубиновые заколки остались, а остальное...

– Надень все что сможешь на себя, а что не получится – придется оставить. Муассаниты в чемодане вызовут вопросы. А так сделаем вид, что я тобой настолько очарован, что решил сделать подарок на память.

– Муассанитовый гарнитур?!

Я уставилась на Мишеля, державшего в руках не только пару родовых коле, но и варианты попроще, которые Мартин дарил мне по праздникам.

– Селеста, поверь, это единственный законный способ вывести муассаниты с Цварга. И мне действительно будет спокойнее, если я буду знать, что в самом крайнем случае ты сможешь купить корабль и свалить из любой точки космоса.

– У тебя точно не будет проблем из-за меня? – Взглянула на полуцварга, чувствуя одновременно и мандраж, и сожаление от того, что впервые покину родину.

– Будут, если узнают, как именно ты удрала с планеты. Но никто же не узнает. – Мишель тепло улыбнулся, а я неожиданно для себя, наплевав на все приличия, сделала то, что давно хотела, – просунула руки в подмышки друга и крепко его обняла.

На секунду он растерялся. Мы стояли в космопорту, и на нас пялились десятки снующих туда-сюда цваргов – вылетающие, прилетающие, грузчики, уборщики, охранники... Кто-то бросал на Мишеля осуждающие взгляды, а кто-то откровенно завистливые. Я понимала, что, решившись помочь подруге детства, юрист сильно рискует своей репутацией, но представить себе не могла, что настолько. Чувство благодарности к нему переполняло сердце, и я сделала то, чего ни одна воспитанная цваргиня никогда себе не позволит на людях, ведь любое проявление чувств – это в первую очередь подпитывание интенсивных бета-колебаний, выпускаемых головным мозгом. Но я больше не цваргиня и не Селеста Гю-Эль. Какая разница, что будут думать обо мне окружающие?

Спустя пару секунд Мишель отмер и неловко ответил на объятия.

– Спасибо тебе огромное, – прошептала ему на ухо.

Он отстранился. Странные желтые глаза смотрели внима-

тельно.

– Ты точно уверена? – спросил, наверное, уже в пятый раз за последний час.

– Уверена.

– И не вернешься раньше?

«Зачем? Чтобы Лацосте мог воспользоваться законом? Нет уж, раньше ста пятидесяти точно не вернусь».

– Нет. Но время пролетит быстро, не успеешь и заметить.

– А... – Он вновь набрал воздух в легкие, но я решительно перебила:

– Объявлена посадка на мой рейс. Мишель, прости, мне надо идти.

– Да, конечно. Я буду скучать...

Я подмигнула другу и взяла у него свою ручную кладь. В отличие от Мишеля, мое настроение с каждой минутой улучшалось. Мы все продумали заранее. Я подписала документ, согласно которому бразды правления личными финансовыми активами и недвижимостью переходили в руки Мишеля – в непредвиденных обстоятельствах, к коим юридически относилась и пропажа гуманоида. Чтобы никто не подумал копать под приятеля, он предложил подписать эту передачу задним числом, якобы я оформила доверенность еще при жизни Мартина.

Пентхаус пришлось покидать в плаще и капюшоне, чтобы никто не заметил моего чудесного преображения. Я сама настояла на том, чтобы на глазах консьержа на несколько часов

подняться в квартиру Мишеля, таким образом обеспечивая ему алиби: в тот день, когда по официальным данным пропала Селеста Гю-Эль, ее доверенное лицо совершенно точно проводил время с другой женщиной. Спohватившись, чтобы Юдес сразу же не бросился меня искать, я сделала несколько звонков в свадебные салоны и оставила записи на примерку платьев.

Волнение охватило, когда по пути в космопорт наш флаер остановила Системная Полиция. В голове возникла мысль, что Юдес каким-то образом раскусил нашу схему, но, как выяснилось, мужчина в форме просто хотел перенаправить наш кар другим путем из-за ремонта туннеля. Я чуть было все не испортила, поняв, что испугалась настолько, что не могу собраться и натянуть привычный кокон холодной отчужденности. Дежурный наклонился, учуяв мои эманации страха, но ситуацию спас Мишель, объяснив, что я на планете всего сутки, приехала по краткосрочной визе именно к нему, смеску, у которого кожа светлее и рога не такие заметные, а чистокровные цварги меня якобы пугают. Полицейский грустно усмехнулся и отпустил наш флаер.

Я чувствовала себя неудобно, пересекая гигантский, полный видеонаблюдения зал космопорта. И было невыносимо дико отпустить свои эмоции и дать им наполнять пространство вокруг, когда Мишель с укором заметил, что от меня «совсем ничем не пахнет». Человеческие девушки не умеют быть холодными, как глыба льда, они вообще крайне эмоци-

ональны. Я кивнула и мысленно визуализировала свою будущую жизнь... где-то подальше от Цварга. Вначале это давалось тяжело, и таможенники, проверяющие багаж, покоились на меня с подозрением. Но чем чаще я вспоминала, что больше не обязана буду контролировать свои эмоции, носить все время черное, пытаясь предстать бестелесной тенью, и постоянно врать, тем лучше становилось настроение. Я сама не заметила, в какой момент страх быть пойманной трансформировался в восторг и предвкушение увидеть другие Миры Федерации.

– Ваши документы, пожалуйста.

– Да-да, вот. – Я протянула визу и еще одну карточку, которую Мишель умудрился наспех сделать по своим каналам, пока я обзванивала свадебные и цветочные магазины.

– Краткосрочная виза «беллеза»?

По мне прошлись придирчивым взглядом. Ну да, если другие только догадывались о моем статусе на планете, то этот цварг все прочел в документах. Я кивнула, морально готовая к чему угодно – поджатым губам, неодобрительному взгляду, лекции на тему морали, что ночные бабочки – грязь под ногами... Но мужчина молча шлепнул печать, отметил что-то в базе и вернул документы, тихо и смущенно поинтересовавшись:

– Э-э... простите... а сколько стоят ваши услуги?

Удивленно приподняв брови, я бросила взгляд на Мише-ля, который остался за турникетами, но напряженно следил

за мной издалека. То ли эйфория, что я получила вожденную печать и прошла последний контроль, то ли новый образ улыбчивой человеческой девушки, которой не надо прятать эмоции, то ли впервые проснувшееся желание хулиганить на фоне колоссального перенапряжения... Не знаю, что именно произошло со мной, но я округлила глаза и, указав на колье, громким, почти театральным шепотом ответила:

– Баснословно дорого. Вам точно не по карману. Среди моих мужчин только самые состоятельные цварги планеты.

Лицо рогатого сотрудника вытянулось, а я со смехом подхватила чемодан и пошла дальше. А что? Ведь ни словом не соврала. Гю-Эль действительно был очень богат.

Глава 7. Оенталь

Наше время

Дорога от базара до дома заняла удивительно мало времени. Вихрем промчавшись сквозь бурлящую массу горожан по широкому настилу из пентапластмассы, свернула в узкую улочку между зданиями, вымощенную самым обыкновенным песчаником с рваным краем. Я жила на планете в секторе Н-63 уже почти год, но фантастическое соседство технологичных материалов с практически деревенской жизнью, которая была лишь на самых отсталых планетах Федерации, поражало меня по сей день.

Долгое время я перемещалась с одной планеты ФОМ на другую, не позволяя себе задержаться на новом месте больше чем на пару месяцев. На Тур-Рине было неплохо, но меня напрягала высокая плотность населения и постоянно меняющиеся лица. Это была планета развлечений, на которую охотно стекались туристы со всех миров, и я переживала, что рано или поздно кто-то из прибывающих цваргов может опознать во мне вдову Гю-Эль. После Тур-Рина я решила посетить «родину», то есть Захран, чтобы узнать, как живут люди. Это было познавательно, но планета мне не понравилась ни практически полным отсутствием растительности, ни количеством морально устаревшего и грязного транспорта, ни

общим уровнем жизни. Окончательно я приняла решение, что надо улетать с Захрана, когда у меня закончился маскирующий крем для кожи, а ничего подобного не нашлось на всей планете.

После Захрана выбор пал на Танорг – вторую родину людей. К моему величайшему изумлению, таноржцы радикально отличались от захухрей. И дело было не только во внешности, но и в самых простых бытовых вещах, подходе к образованию и экологии и отсутствии суеверий относительно других рас. Не то чтобы в новом облике меня это касалось, но я обратила внимание, что захухри откровенно косились и бросали недружелюбные взгляды на редких иномирян, решивших посетить их планету. Таноржцы же радушно относились ко всем гражданам Федерации.

Эта планета мне понравилась, чем-то она даже напомнила Цварг – такая же чистая, свежая, аккуратная, множество процессов роботизировано – куда больше, чем на моей настоящей родине. Несколько раз удалось снять деньги через специальные банкоматы с анонимайзером. Я уже всерьез подумывала остаться жить на Танорге, когда с небес на землю меня вернул корабль Космического Флота, прилетевший на планету вкупе с дюжиной мужчин в черных костюмах. Кто такие эмиссары Цварга, я знала не понаслышке...

С того дня радужное настроение исчезло, и я начала забег «галопом по Федерации». Миттария, Зоннен, Эльтон, Пикс... Куда бы я ни приезжала, рано или поздно я или слы-

шала, или сама чуть не сталкивалась с «цваргами в черном». Последней каплей стал случай в кафетерии, когда я отошла в уборную, а вернувшись, обнаружила, что трое подозрительных типов бродят между столиками, внимательно и придиристо заглядывая посетителям в лица. Цварг среди них был всего один, однако то ли моя фантазия разыгралась, то ли нервы сдали, но в ту же секунду, подхватив сумочку, я выскользнула через запасной выход, забрала чемодан из арендованной на три месяца вперед однокомнатной квартирки и направилась в космопорт, а там у удивленного оператора попросила билет на любой ближайший рейс за пределы Федерации Объединенных Миров.

Так и оказалась на Оентале. С самого первого дня планета показалась какой-то «полу-». Полуаграрной, полулегалной, полунаселенной, полуосвоенной, полуавтоматизированной. Просто «полу-», пожалуй, лучшее слово, которое подходило для этой планеты. Здесь сочеталось несочетаемое: ручной, почти рабский труд мог соседствовать со свежими импортированными роботами-уборщиками последнего поколения; добротные качественные дома с участками стояли вперемешку с хибарами из глины и дешевого пластика. Здесь проживали гуманоиды самых разных рас и достатка, но самое важное, Оенталь позиционировал себя как планету с открытым космопортом без въездных виз, дружественную к соседям в секторе Н-63 и, конечно же, к Федерации. Именно благодаря последнему факту мне однажды уда-

лось попасть на чартерный рейс.

Еще в космопорту на стойке информации на глаза попало изображение очаровательного домика, по меркам Цварга продаваемого хозяйкой за гроши. Я так устала менять места жительства, что неожиданно для себя выкупила понравившееся жилье. Несколько месяцев я подспудно ожидала, что эмиссары явятся и сюда, но шли недели, а ни одного чистокровного представителя своей расы на Оентале так и не встретила. Когтистая, сжимающая сердце лапа страха постепенно начала отпускать.

Внезапно начался сезон ветров. Шквалистые порывы оторвали кусок старой черепицы с крыши. До того утра, как меня разбудил звук бьющейся плитки, я и не знала, что бывает такое покрытие – кусочки керамики размером с ладонь. Пока я бегала по местным рынкам и искала подходящие куски рулонной мембраны, чтобы наскоро залатать крышу, ветра пригнали облако пустынной саранчи – в целом неопасной, но противной. За напастью с насекомыми последовали ледяные дожди, постепенно перешедшие в кислотные. Пока я занималась то срочным ремонтом протекающей крыши, то затоплениями подвала, вновь незаметно началось уютное теплое лето. Не сказать, что Оенталь оказался местом моей мечты, но как-то сложилось, что я здесь обжилась.

Под ногами скрипнул песчаник, я остановилась у покосившихся ворот своего дома и набрала код доступа. Крошечное электронное табло возмущенно пискнуло, мигнув крас-

ным глазом, а я хлопнула себя по лбу. Ну разумеется, как могла забыть? Последнее ненастье «сожрало» внешнюю проводку дома. Похлопала по карманам, ища, куда подевала временный железный ключ. Пока пыталась вспомнить, куда его спрятала, взгляд зацепился за фигуру соседки. Крупная коренастая оршанка с оливковым оттенком кожи агрессивно выкорчевывала гигантские кусты кистаса, будто они были ее личными врагами. Заправленный за пояс подол платья обнажил крупные икры и бедра – вопиюще вульгарно по меркам Цварга и вполне естественно для Оенталья.

– Хей, Леста! – звучно пробасила Гутрун, оторвавшись от работы. – А где ж мужик-то?

Я закатила глаза. Вроде бы другая планета, другие менталитет и образ жизни, а все равно кто-то пытается меня сосватать. Нет, о том, что я ходила к маэстро душ и желаний, соседка не в курсе, скорее, это была стандартная ритуальная фраза, которой Гутрун меня приветствовала.

– И тебе привет! Да как-то и без него справляюсь. – Выдохнула, наконец найдя ключ.

– Ты такая маленькая, такая худенькая и слабенькая человечка, – завела соседка свою любимую песню, покачивая кудрявой головой. – До сих пор поражаюсь, как ты пережила кислотник!

Я лишь пожала плечами и улыбнулась. Как, как... Наверное, будь я и вправду человеком, сидела бы в доме, а так – спокойно дошла до базара, купила зонт-сферу и дождевик из

полимеров и продолжила жить как раньше. Разве что ожоги на теле появились, но и те сошли за три дня. Все-таки родная регенерация дает о себе знать. Но, разумеется, говорить этого вслух не стала.

– Нет, мужик в хозяйстве обязательно нужен, особенно для такой малышки, как ты, Леста! У тебя ж не дом, а целая махина, – сокрушалась соседка, плавно переходя к излюбленной теме. – Посмотри на моих мальчиков, что Оден, что Финнр! Раз уж тебе Хэварт не понравился... Такие замечательные помощники по хозяйству, а уж любить как тебя будут по ночам... – начала расписывать достоинства своих сыновей крепкая оршанка.

Оенталь населяли представители самых разных рас, но оршей было большинство. Даже я, привыкшая к внешности цваргов, вздрогнула, когда впервые увидела мужчину-орша: тяжелая челюсть, торчащие над губой нижние резцы-клыки, узковатый лоб по сравнению с общими пропорциями тела и головы и массивная шея. Хэварт, старший сын Гутрун, как раз и оказался тем самым «первым».

– Что ж Хэварта не предлагаете? – спросила я, пряча улыбку.

– Дык ты ж его скалкой как приложила-то! – Гутрун всплеснула руками, испачкав щеки землей. – Думала, все, череп надвое раскроен! Благо док сказал, что заживет.

– Не надо было врываться в мой дом.

– Так он же на запах пришел! – Женщина печально пока-

чала головой и вздохнула. – В доме долго никто не жил, вот он...

– Пришел в гости без приглашения, – закончила я, вспомнив, как приняла ее старшего детину не то за вора, не то за полумразумного дикаря. Хэварт изумленно уставился на меня глазами-бусинами, а я, запаниковав, что на меня может обрушиться волна бета-колебаний, инстинктивно со всей силы ударила тем, что было в руках.

Ворота скрипнули и открылись, но огонек так и горел красным. Если найти подходящий аккумулятор для электроники, можно быстрее восстановить запорный механизм. Только как найти подходящий? Наверняка помимо внешнего расположения контактов важны еще какие-то характеристики, я могу все элементарно не учесть. А менять весь механизм, наверно, дорого...

– А хочешь, пришло в помощь Одена или Финнра калитку отремонтировать? – словно прочла мои мысли крайне общительная и предприимчивая соседка.

Я чуть не выронила ключ, представив, что наворотят эти двое. Орши, конечно, сильные ребята, но техника не их конек.

– Спасибо, сама справлюсь, – ответила, стараясь не обидеть Гутрун. Увидев, как она ловко вытащила из земли куст с рыжими мясистыми корнями, перевела тему: – А можно я заберу кистас себе?

– Сорняк-то? – удивилась оршанка. – Да забирай на здо-

ровье. Я сложу вон туда, в общую кучу. Опять будешь кулинарные эксперименты ставить? Ох, рисковая ты девка, Леста, и не боишься же травануться! А ведь такая худенькая...

Под громкие причитания Гутрун я пересекла участок и зашла в дом. Знала бы соседка, что корень кистаса – основной ингредиент пирога, который ей так нравится. Покупая на Танорге лингвопереводчик, я не могла пройти мимо универсального пищевого анализатора. Готовить мне всегда нравилось, а глядя на стальной цилиндр с носиком-иглой, отдаленно напоминающий медицинский шприц, подумала, что анализатор мне пригодится. Как оказалось, не ошиблась.

Дома меня ждала уборка. Загрузить в моечный бокс посуду, поставить стираться вещи, настроить список продуктов на морозильном шкафу, чтобы при ночной синхронизации с запасами главной фермы мне отложили свежее молоко и головку ароматного сыра. Поменять постельное белье на хрустящее, пахнущее луговыми травами.

Если бы Мартин был жив и узнал, чем занимается его супруга, наверняка умер бы от разрыва сердца. Покойный муж всегда говорил, что быт убивает аристократов, и брезгливо мыл руки, если ему приходилось поставить тарелку в посудомойку. Натягивая чистую простыню на обыкновенный неортопедический матрас, я мысленно усмехнулась словам Гутрун: «У тебя ж не дом, а целая махина». Купленное жилье было меньше не то что столичного пентхауса, но даже особняка на берегу Ясного моря. Заказав у «железных» тор-

говцев, раз в месяц делающих остановку на Оентале, необходимый минимум техники, я легко справлялась с домашним бытом.

Хозяйственные заботы отвлекли от неудачного посещения дома маэстро душ и желаний, настроение незаметно улучшилось. Мурлыча себе под нос веселую песенку, я поняла, что все переделала и пора спать, лишь когда за окном сгустились сумерки.

Но заснуть удалось с трудом. Вечером зайдя в личный кабинет Межгалактического Банка, куда время от времени заглядывала, чтобы посмотреть, как Мишель справляется с делами, вновь уставилась на сообщение, погнавшее меня утром на базар.

«Я найду тебя, Селеста, чего бы это ни стоило. И чем дольше ты от меня прячешься, тем злее я становлюсь».

Озноб прошелся по коже, мерзкое щупальце сосущей тревоги скользнуло вдоль позвоночника. Перед вылетом с Цварга я купила новый коммуникатор и карту инфосвязи, на ТурРине вновь их поменяла. Пожалуй, сделала все что могла, чтобы на меня нельзя было выйти, но Юдес каким-то образом понял, что беглая невеста все-таки пользовалась счетами. Скольких программистов он нанял, чтобы это сообщение появилось в моем личном кабинете? А может, и вовсе подкупил сотрудников банка. Означает ли это, что и снятие наличных через анонимайзер чревато последствиями? Или это пустые угрозы, чтобы заставить меня занервничать

и оступиться?

Так много вопросов и ни одного ответа...

Несмотря на усталость и ломоту в мышцах, угроза всплывала в голове вновь и вновь, а вместе с ней – моя идея приобрести телохранителя, который, если и не сможет уберечь от Лацосте, по крайней мере задержит цварга, чтобы я успела исчезнуть. Вместе с тревожными мыслями постоянно всплывали обрывки сегодняшнего диалога с маэстро. Чей-то навязчивый голос внутри черепной коробки противно брюзжал и ругался с другим, более тонким и визгливым.

– Гуманоиду плохо, он в рабстве, а ты бессердечная тварь...

– Если я его приобрету, его жизнь от этого не станет лучше.

– А вдруг станет? Вдруг с ним плохо обращаются? Думаешь, гуманоиды по доброй воле хотят свести счеты с жизнью?!

– Может, у него какие-то проблемы с головой...

– А если нет?..

– А если он умрет? Тогда совершенно точно придется вызывать представителей местных органов правопорядка, мое имя всплывет в новостных лентах, как жестокой рабовладелицы, заморившей своего «полуконтрактника». У Лацосте внушительные ресурсы, обширная сеть работающих на него цваргов. Такое событие, пусть и вне пределов Федерации, не пройдет мимо его ушей. А дальше дело мощностей анали-

тической техники – сопоставить лица, всплывающие в новостях, с лицами, покинувшими Цварг. Цвет кожи, волос и форма лица – это хорошо, но далеко не полноценная операция по изменению внешности. Конечно, правильнее было бы найти хирурга на Миттарии, только у меня не было знакомых за пределами Цварга.

– Зато ты была по-настоящему счастлива эти два года: посетила так много Миров, как не удавалось ни одной цваргине, выучила несколько языков, познакомилась с различными расами и культурами, собственными глазами видела северное сияние и километровые водопады, загадочные подводные города Миттарии и технологически совершенный Танорг с ландшафтными вертикальными и подвесными садами...

– И что?! Разве я должна рисковать жизнью ради какого-то гуманоида?

– Селеста, имей совесть! Ты освободилась от гнета законов Цварга и имеешь возможность спасти раба. Ты ненавидишь любое ограничение свободы, а тут лицемерно делаешь вид, что судьба полуконтрактника тебя не касается!

Полночи я беспокойно крутилась на простынях. Не спросила ведь ни расы, ни имени несчастного, а уснуть не могла. Лишь когда удобная подушка превратилась в жаровню, а я дала себе слово, что с утра отправлюсь за полуконтрактником, меня наконец сморил желанный сон без сновидений.

Глава 8. Полуконтрактник

«Я только посмотрю. В крайнем случае, выкуплю, накормлю и отпущу, а что с ним будет дальше – меня не касается. Не заставят же меня держать его при себе...»

Эти слова я повторяла как мантру, пока собиралась с утра, продираясь сквозь разношерстную толпу спешащих оентальцев, шурилась и сопоставляла загогулины с визитки с рунами на фасадах домов в самой густонаселенной части города. Эту фразу я мысленно повторила себе в сотый раз, когда молча протянула пластиковую карточку худому долговязому типу, представившемуся маэстро душ и желаний. Если бы не такой же медный оттенок волос, ни за что бы не поверила, что эта неприятная личность имеет что-то общее с маэстро-пухляком, у которого мне довелось побывать в гостях вчера. Слишком надменное выражение лица, брезгливо опущенные уголки губ, некрасивые узловатые пальцы, шарфик из искусственного шелка, обмотанный вокруг тощей цыплячьей шеи... Может, я заранее враждебно отнеслась к незнакомцу из-за знания, что он взял оплату живым товаром? Не знаю.

– Где он? – коротко бросила без излишних расшаркиваний.

– В сарае, – как само собой разумеющееся ответил дылда-маэстро, указав на полусгнившую постройку на противо-

положном конце участка.

«Действительно, Селеста, ты же не думала, что такой тип мог поселить раба в своем доме», – мысленно упрекнула себя, когда рассмотрела и новенькую мембранную крышу, защищающую от кислотных дождей, и отличные стеклопакеты с пленкой-хамелеоном, способной отсеять лишний солнечный свет. Не чета цваргским, но гораздо лучше, чем половина из того, что вставлено в рамы на Оентале.

Проржавевшие половицы сарая нутужно-жалобно скрипнули под ногами. Дверь, открывшаяся лишь со второй попытки (я побоялась дергать ее сильнее, чтобы не оторвать), с ужасным душераздирающим скрежетом все-таки отошла в сторону и обнажила темный провал. В нос ударил резкий запах затхлой сырости, горькой полынной травы, мха и плесени. Помещение встретило тишиной, настороженной и бесцветной.

– Где он? – повторила, чувствуя себя глупым плеером с заевшей флеш-картой.

– Так вон же он, валяется в углу, – где-то позади раздался голос маэстро, но я его уже не слушала, так как взгляд сам собой прикипел к вороху тряпья.

Сердце болезненно сжалось. Среди груды ветоши определенно кто-то лежал. Рваные и сиплые вдохи теребили влажный кусок холстины с торчащими из нее, как облезлые хвосты крыс, лоскутами. Шагнула ближе, всматриваясь в сумрак помещения и очертания лежащего под рваньем. Это совер-

шенно точно был гуманоид. Не животное, не рептилоид или октопотроид, с которыми много лет назад воевал Цварг, – разумный гуманоид с двумя руками и ногами. Гадливо-удушливое чувство подкатило к горлу едким колючим комком. Резко сдавило живот, спазмом скрутило внутренности, сердце ухнуло в пятки, а вместе с ним и я буквально рухнула на колени и торопливо откинула мерзкую тряпку подальше.

– Госпожа, что вы делаете?! Тут же грязь и ржавчина! Ваша одежда!.. – послышалось от входа, но я лишь гневно шикнула.

Сквозь прорехи в лохмотьях взору открылась мужская обнаженная грудь, покрытая шрамами и язвами, впалый живот и торчащие ребра, как будто раба морили голодом как минимум полгода. На него было больно смотреть, внезапно застезились глаза. На руках висели увесистые и на удивление современные магнитные наручники таноржского производства, которые активировались лишь тогда, когда преступник совершал попытку к бегству. В таком случае они притягивали кисти друг к другу и могли послать ощутимый электрический разряд, за что их прозвали успокоителями. В случае если преступник по каким-либо причинам умирал, наручники самостоятельно распадались на полужвенья. Сейчас успокоители тускло светились бледно-голубым светом, обозначая, что пульс у раба все-таки есть.

Шею незнакомца рассмотреть не удалось из-за его странной скрюченной позы, зато в полутьме сарая виднелось за-

росшее щетиной лицо, блестящий от пота высокий лоб, лихорадочно бегающие под закрытыми веками белки глаз и длинные спутанные волосы. Настолько засаленные, что нельзя было толком сказать, блондин это или брюнет. А может, и вовсе какой-нибудь смесок орша и миттара с изумрудными или фиолетовыми волосами.

– Он старый? Что за раса?

«Какая разница, какой он расы, Селеста? Он явно страдает. Ни один гуманоид не должен жить в столь ужасных условиях».

– Да космос его знает. И возраст, и расу... – брезгливо протянул продавец. – В документах этого не было. Ублюдок чей-нибудь. Вообще на человека смахивает, только с рогами. Ха, наверное, его бывшая наставила ему рога, вот они у него и выросли! – Маэстро разразился противным визгливым смехом над собственной шуткой, сочтя ее остроумной, а я вздрогнула и вновь перевела взгляд на голову раба.

Действительно, рога. Как я сразу не заметила? Но на органы восприятия колебаний цваргов не похожи... Тревога осела тонкой паутиной на подсознании, горькой пилюлей растворилась под языком. Фантомно заныли виски и затылок.

«Я найду тебя, Селеста, чего бы это ни стоило...»

Цварг или нет?

У мужчин моей расы рога черные, лоснящиеся, витые, а тут окостенелые, светло-коричневые. И, несмотря на многочисленные язвы, цвет кожи как у захухри или таноржца.

Да и хвоста со смертоносным шипом нет. Нет же?

Взгляд зарыскал по лохмотьям незнакомца, пытаясь отыскать пятую конечность, которой гордились все цварги.

– Госпожа, да зачем он вам? – вновь вякнул долговязый тип, явно испытывая беспокойство. – Вы такая маленькая и хрупкая, вам нужен настоящий защитник. Возьмите лучше профессионального контрактника. У меня такие замечательные экземпляры есть! Пойдемте покажу!

Маэстро шагнул к клиентке, предпочитающей сидеть в дорогом платье на грязном полу, и настойчиво-аккуратно потянул меня за локоть. В этот момент с губ раба сорвался еле слышный хрип, а на меня нахлынула неожиданная злость на саму себя. Какая разница, цварг это или нет?

– Вы маэстро душ и желаний или кто?! – зашипела я, выдергивая локоть из цепкого захвата. – Я сразу обозначила, что пришла за этим... за ним, короче. – Решительно мотнула головой в сторону тряпья и внезапно встретилась с серьезным блестящим взглядом.

На миг несчастный широко распахнул серые глаза, внимательно на меня посмотрел и вновь провалился в небытие.

– Отдайте его мне!

Аюр, так, кажется, звали этого маэстро с подмоченной репутацией, нахмурился и сложил длинные худые кисти на груди.

– Госпожа Леста, не думаю, что вам нужен этот... будущий труп. Посмотрите на него, не сегодня-завтра издохнет.

А если очухается, еще и бросаться на вас станет. Как вы будете его дрессировать? Он же совсем дикий! Видите наручники? Мне прямо в них его и отдали! Если уж те гуманоиды на такие дорогие штуки расщедрились, то это точно преступник. Давайте все-таки...

– Нет.

Звук собственного голоса, резкого и бескомпромиссного, плетью стегнул натянутые нервы. Я в упор посмотрела на маэстро. То, что меня отговаривали от приобретения полуконтрактника, лишь подтолкнуло иррациональное желание добиться для него свободы чего бы это ни стоило. Порывшись в кармане, я протянула долговязому два секкера, Аюр молниеносно вытянул руку и сгреб монеты.

– Это залог за раба? А остальное когда заплатите?

– Это за аренду носилок на гравитационной подушке, – хмуро бросила, поднимаясь с колен. – Должна же я как-то доставить покупку до дома! Погрузите его *аккуратно*, – акцентировала внимание долговязого на последнем слове, – и документы подготовьте, я забираю его прямо сейчас.

– А как же оплата за полуконтрактника?! – голос возмущенного работорговца сорвался на фальцет.

– Вы сами сказали, что он умрет, так? Неужели вам нужны проблемы с местными властями? Если вы сейчас оформите все документы на меня, это будет уже не ваша головная боль, – вкрадчиво произнесла, наблюдая за мимикой маэстро.

У меня еще оставался жемчужный браслет, но тратить последнее украшение на умирающего раба, при том что дядя этого типа чуть ли не со слезами на глазах уговаривал меня забрать «смертника», не хотелось. Однако долговязый не выглядел счастливым. Отнюдь.

– А может, выкарабкается и не умрет, – неохотно буркнул Аюр. – И вообще это живой товар.

Я бросила взгляд на раба в беспамятстве. Омерзительный запах, плесневелые тряпки, язвы по всему телу... Ужас. Ну нет, так я его здесь не оставляю, это дело принципа. Даже если он умрет, то умрет свободным.

– Снимите с него успокоители, вот вам и будет оплата, они стоят дороже, чем его жизнь на текущий момент.

– Вы издеваетесь?!

Если и думала, что маэстро несколько минут назад уже испытал весь спектр эмоций относительно продажи пленника, то явно ошиблась. Лицо рыжего торговца побледнело, как снег в горах Цварга, руки задрожали – не то от негодования, не то от страха, не то от всего вместе взятого.

– Вы действительно предлагаете снять наручники? Вы слышали, что я сказал?! Мне заплатили им *уже* в наручниках. Посмотрите на его рост и ширину плеч! Даже в полухломе виде он крупнее вас раза в два! И меня тоже! А дальше что? Если придет в себя? Это же опасный преступник! У него с головой не в порядке! Успокоители – единственная вещь, с помощью которой его можно сдерживать, если раз-

буянится! Как вы будете его контролировать?! Вы понимаете, что ваше убийство повесят на меня?!

Почему-то мысль о собственном убийстве не всколыхнула в душе ни единой тревожной струны. Меня, вдову Гю-Эль, убить?! Да то, что во многих Мирах считается отравой, для чистокровной цваргини – максимум легкое несварение желудка. Опять же, это внешне я слабая и беззащитная человеческая девушка с Захрана, но повышенную плотность мышечной ткани и ускоренную регенерацию никто не отменял. Все, что я испытывала сейчас, – бесконечная жалость к существу, которое умирало связанным в груди грязных тряпок. Дядя Аюра обмолвился, что раб пытался свести счеты с жизнью. Гуманоиды, которые настолько отчаялись, не станут нападать на других. Не станут, и все тут. Возвращения на родину и брака с Лацосте, цваргов в черных одеждах я боялась, как и оказаться под очередным ментальным воздействием. Много чего боялась, но раба в углу сарая – нет.

– Именно поэтому я подпишу бумаги прямо сейчас, – жестко произнесла, буравя взглядом начинающего маэстро душ и желаний. – Вы дадите мне аэроносилки, и мы выйдем через задний ход. Никто ни о чем не узнает, даю слово. Успокоители в качестве оплаты оставите себе сразу после подписания договора и сможете выгодно перепродать их. Оставайтесь кругом только в плюсе. Если раб меня убьет, с вами его уже никто не свяжет, потому что по бумагам он будет моим.

Неполную минуту мы мерились тяжелыми взглядами.

Аюр сомневался. Скрежетал зубами, двигая узким острым подбородком влево-вправо, и нервно поправлял платок. Он и хотел бы мне продать полуконтрактника, но что-то его сдерживало. И лишь когда из угла послышался надсадный хриплый кашель, мужчина поморщился.

– Ладно, сейчас все подготавливаю.

Я не могла поверить, что переспорила упрямого маэстро, ни когда взяла в руки документ, ни когда с раба сняли наручники, ни даже тогда, когда тело раба погрузили на носилки. Внутри все дрожало, как перетянутая струна на скрипке, готовая лопнуть в любой миг.

Льерт Кассэль

Хотелось умереть. Вселенная! Как же давно хотелось просто умереть...

Каждый швархов день я мечтал, чтобы меня убила радиация на рудниках на том дрянном астероиде, затем – чтобы забили насмерть пираты, а позднее, когда меня перепродали какому-то типу в качестве бесплатной рабочей силы, – чтобы доконал электрический разряд таноржских наручников. Но

треклятая врожденная регенерация не давала. Я ненавидел себя, свою сущность, свой организм. Проклятое сердце билось изо дня в день и не поддавалось уговорам просто остановиться.

Ненависть к себе ядовитым цветком расцвела в день смерти Фьенны, залезла в грудь, отравила артерии и вены, парализовала волю. Часы сливались в дни, дни в недели, недели в годы... Время неслось широкой полноводной рекой, и я давно потерял ему счет, потому что жил в невыносимой агонии. Что бы я ни делал, болезненный образ Фьенны маячил перед глазами. Я не столько жил, сколько существовал. Стоило заснуть, и он снова всплывал, мучительно терзая память и совесть. Она смотрела на меня, прижимая к груди окровавленные запястья. Кровь была повсюду... Тот день навсегда отпечатался в памяти алым цветом. Всю рубку шлюпки залило ее кровью. Огромные глаза смотрели на меня с укоризной и отчаянием.

«Льерт, умоляю...»

Полные боли последние слова раздавались то набатным колоколом, то еле слышным шепотом всякий раз, когда я засыпал. Когда просыпался. Когда работал на каменоломнях. Когда сносил удары плетью пиратов. Когда мне ампутировали хвост...

Заслужил.

Волею судьбы меня забросило на какую-то полуаграрную планету к мужчине по имени Аюр, который назвал себя

странным словосочетанием «маэстро душ и желаний». Каким-то непостижимым образом он сразу понял, что я не прочь умереть, и предложил сделку. Сделка меня устраивала, так как я чувствовал, что в ходе его эксперимента наконец-то смогу уйти из этого мира.

Реальность плыла серыми пятнами, мерзким запахом плесени и затхлости, манила скорым освобождением от ненавистой жизни. Я даже порадовался, что моя смерть не будет совсем уж бездумной и напрасной, потому что Аюр объяснил, что это может помочь другим гуманоидам. Перед глазами замелькал калейдоскоп картинок и цветных мазков, тепло охватило тело, а потом я почувствовал тонкий аромат и увидел прекрасного светловолосого ангела.

«Как странно. Наверное, кто-то перепутал врата рая и ада».

Глава 9. Знакомство

Состояние раба пугало до шварховой печенки. Притащив его на аэроносилках, отсоединила с жемчужного браслета несколько бусин и попросила Гутрун сходить на базар за лучшими средствами для дезинфекции и заживления ран. Соседка окинула меня подозрительным взглядом, но просьбу выполнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.